
Людмила Петровна
ЕВСТИГНЕЕВА

Рубен Николаевич
ЕВСТИГНЕЕВ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИНЕРГЕТИКИ

Москва
Институт экономики
2007

Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. Методологические основы экономической синергетики (научный доклад). — М: ИЭ РАН, 2007. — 64 с.

В докладе рассмотрены три взаимосвязанные проблемы: синергетика, в том числе экономическая, как новая научная парадигма; экономическая синергетика как теория рыночной макроэкономики; синергетический потенциал экономического роста. Каждая из проблем заслуживает развернутого изложения, ибо представляет собой сложную систему концептуальных постановок. Однако авторы объединили их с тем, чтобы охарактеризовать в целом возможности синергетического подхода к экономике.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проекты № 07-02-00131а и № 06-02-00189а.

The paper deals with the three closely connected problems. First, synergetics, including the economic one, as a new scientific paradigm. Second, economic synergetics as a theory of the market macroeconomics. Third, a synergetic potential of economic growth. Each of the problems enumerated represents a complicated conceptual system of special interest. Meanwhile the authors put them together in order to show the possibilities of the synergetic approach to economy on the whole.

The project is financially supported by the Russian Foundation of Humanity, № 07-02-00131a & № 06-02-00189a.

©

Евстигнеева Л. П.,
Евстигнеев Р. Н.
2007

©

Институт экономики РАН,
2007

Оглавление

Введение	4
Глава I.	
Синергетика как новая научная парадигма	7
Глава II.	
Экономическая синергетика	17
Глава III.	
Экономическая синергетика как теория рыночной макроэкономики	29
Глава IV.	
Синергетический структурно-институциональный потенциал экономического роста	41
Заключение	52
Литература	60

Введение

В докладе рассмотрены три взаимосвязанные проблемы: синергетика, в том числе экономическая, как новая научная парадигма; экономическая синергетика как теория рыночной макроэкономики; синергетический потенциал экономического роста. Каждая из проблем представляет собой сложную систему концептуальных постановок и заслуживает развернутого изложения. Однако мы объединили их с тем, чтобы охарактеризовать в целом возможности синергетического подхода к экономике.

Сложившаяся в XX веке культура постмодерна принципиально изменила общество. Хотя ее первые шаги были разрушительны — самоизоляция человека, произвол индивида по отношению к общественным институтам и нравственным нормам, это было вхождением в новую позитивную эпоху. Конституирующим свойством постмодерна является установление коммуникативной практики. Человек сделал вызов самому Бытию, материальной причинности, традиционному обществу с его классовой социально-политической организацией.

Активная личность утверждает себя как основной субъект общественного сознания, формулирования целей и общественных приоритетов. И профессиональное научное сообщество, и общество в целом нуждаются в новом мировидении, адекватном приоритетной роли субъекта в отношении «объект — субъект». Две тысячи лет

эволюции были отданы развитию объектно-субъектных отношений с неизменным подтверждением примата объекта.

Христианство отторгло концептуальный базис язычества — Единое (Прокл, 1993). В христианстве Единое разделилось на Объективное и Субъективное. Объективное было отождествлено с материальным диктатом причинности. Субъективное выразило автономность индивида, опирающегося на религиозное самосознание. В дальнейшем субъективное развернулось в комплекс статусов индивида — физического лица, социального субъекта, духовной личности. Религия стала защитой человека, обреченного без такой защиты быть ассимилированным, принявшим форму рационального.

До сих пор научное мировоззрение не подвергало сомнению приоритетность объективного: неразрывную связь объективного с материальным, материального — с рациональным, рационального — с атеистическим. Однако в современном западном, христианском мире религиозное самосознание не может оставаться иррациональной боковой ветвью массового общественного сознания. Если XX век был скорее атеистическим, чем религиозным, то в XXI веке явно обозначился поворот к реанимации религиозного мировидения, которое становится философическим и менее патриархальным. Рамки рациональной материальной причинности являются тесными для развития современного коммуникативного общества. Чтобы понять механизмы и пределы социального выбора и личностной свободы, нужно отказаться от жесткой связанности Бытия с причинностью и рациональностью и осознать единство Бытия и Человека в динамике, в постоянной эволюции, в становлении. Рассмотреть не только силы, направленные от Бытия к Человеку, но и обратно — воздействие Человека на Бытие.

Именно такую задачу ставит перед собой новая наука — синергетика. Собственно говоря, синергетика начала свое существование с первой половины XX века, но только теперь становится очевидной ее парадигмальная функция. Сильный импульс обратиться к синергетике как новой научной парадигме дала российская экономическая трансформация. Практика трансформации дает материал для развития синергетики как науки о СТАНОВЛЕНИИ.

Социализм не знал иного экономического выбора, кроме отраслевого, технологического — в рамках модели индустриального

экономического роста. Современная глобальная экономика выдвигает проблему выбора типа экономического роста. Насколько свободен российский рынок в установлении типа экономического роста? С какими рисками связана такого рода свобода, если она вообще есть?

Экономическая трансформация оказалась пронизанной новыми, на порядок более сложными, чем ожидалось, отношениями. Степень сложности такова, что больше нельзя игнорировать неопределенность и нелинейность в развитии экономики и общества. В современных условиях классы больше не являются базисной структурой общества и экономики. В чем состоит новая общественная структура, способная обеспечить движение общества к социальному консенсусу? Какова система объектов и система субъектов? Совершенно неверно полагать, что макроэкономика, в отличие от микроэкономики, представляет рынок как агрегированный объект государственного управления и этим-де исчерпываются ее свойства. Логика упрощения сводит все системные риски макроэкономики к рискам политическим, или рискам централизации/децентрализации («провалы государства», «провалы рынка»), не вычлняя в них моменты, связанные с управлением, самоуправлением, самоорганизацией рынка и его саморазвитием.

Главный вывод из проведенного нами исследования состоит в том, что анализ названных и многих других вопросов предполагает осуществление прорыва в экономической теории, способного существенно повлиять на практику. Пришло время принципиальной смены научной парадигмы и в области экономических наук.

Синергетика как новая научная парадигма

Научная парадигма есть мировоззренческий базис, формирующий как объект науки, так и ее метод. Поэтому каждая парадигма ставит и по-своему решает проблему соотношения Бытия и Человека, Бога, Бытия и Человека. Тем самым устанавливается понимание объективного и субъективного, временного и переменчивого и, напротив, неизменного и вечного, причинности и целенаправленности. Парадигма постепенно конкретизируется, обогащается. Так, аксиоматический блок системы наук, который был накоплен, по крайней мере, ко времени Ньютона и продолжает действовать по сей день, получил теперь не просто достаточно проработанные определения, но в нем выявились противоречия, разрешением которых, по-видимому, придется заняться синергетике.

Речь идет о противоречии Бытия как сферы объективного причинно-следственного функционирования природы и общества (Гайденко, 1997) и Бытия как Становления, или эволюции природы и общества на принципах самоорганизации (Пригожин, 2001). Синергетика разрешает указанное противоречие тем, что разделяет время существования системы как данности в условиях неизбежной обратимости времени в рамках Бытия и время эволюции, включающей качественные переходы от одного состояния системы в другое — необратимое время Бытия как Становления. Может быть, было бы точнее соотнести Бытие и Становление по-другому. С одной стороны, Бытие в качестве актуальной бесконечности, *ставшей*, своими логи-

ческими корнями уходящей в языческую категорию Единого. (Нам представляется, что обратимость времени является свойством Бытия именно как актуальной бесконечности. С другой стороны, Бытие — в качестве потенциальной бесконечности, эволюционирующей, созидающей саму себя. Потенциальной бесконечности присуще необратимое время; именно в этом аспекте Бытие есть Становление).

Синергетика как естественная наука столкнулась с данным противоречием в попытках стыковать физику Ньютона, в которой предполагался субъект — наблюдатель, внешний по отношению к объективному, и физику Бора, попавшую в методологический тупик в связи с невозможностью сохранить внешнего субъекта в исследованиях квантовой динамики и в целом физики элементарных частиц. Появилась необходимость осмыслить место в объективных процессах операционного субъекта, органически включенного в эти процессы.

Четкое понимание синергетики еще не сложилось. А экономическая синергетика вообще делает самые первые шаги. Публикации на этот счет в основном устремлены на поиск аналогов математического содержания синергетики. Поэтому наибольшее число работ посвящено нелинейной логике, моделированию процессов спонтанной самоорганизации, развитию сложных систем, созданию информациональной среды и когерентного внутрисистемного поведения.

Наиболее устойчивым, хотя и не покрывающим все вопросы, является толкование синергетики как междисциплинарной науки (скорее подхода), лежащей в основе моделирования как естественных, так и гуманитарных процессов. Синергетика впитала в себя и теорию систем, и теорию эволюции, делая акцент на исследовании неравновесных ситуаций, на пороговых точках развития и фазовых (качественных) переходах (*Синергетика: перспективы, проблемы, трудности, 2006*). Сошлемся на статью В. Г. Буданова «О методологии синергетики», в которой синергетика рассматривается в аспекте становления новой междисциплинарной науки: «По сути, происходит формирование новой познавательной парадигмы самоорганизации, в контексте которой Г. Хакен в 1970 г. и вводит в научный обиход неологизм "синергетика" для обозначения нового междисциплинарного направления исследований сложных самоорганизующихся систем» (*Буданов, 2006 (2), с.80*).

В российском научном сообществе, особенно в философских работах, немало уже сделано для осмысления синергетики. Сложилась достаточно полная картина предмета и метода синергетики как специфической науки о развитии сложных открытых систем на принципах самоорганизации. Вместе с тем еще предстоит разработать понятие синергетики как общей научной парадигмы. Основные свойства синергетики, которые делают ее научной парадигмой, на наш взгляд, таковы.

■ На смену линейной логике и линейной науке идут нелинейная логика и нелинейная наука, ядром которой является синергетика, вырастающая из современного нового коммуникативного этапа в развитии общества. То есть это — наука о *взаимодействии* как универсальном механизме функционирования и развития сложных открытых систем природы и общества.

■ Синергетика является наукой о *становлении*, она работает с необратимым временем и пространством. Это касается всех уровней природы и общества. Поэтому одной из принципиальных синергетических задач является определение отношения общества к вечным ценностям человека (или его трансцендентности) и перспектив сохранения устойчивости законов природы и физических констант.

■ Предметом исследования синергетики являются также объект и субъект, соотношение между *причинностью и свободой*.

Синергетика открывает мир неразрешимых парадоксов как норму реальности и свойство синергетической логики. После Гёделя, доказавшего, что не может быть построена строго логическая линейная система, рафинированно чистая, без какого-либо вмешательства неопределенности, синергетика делает отважный шаг в сферу неопределенности. Она открывает пульсирующий мир, периодически соединяющий и разъединяющий объекта и субъекта, эндогенные и экзогенные факторы развития, выбор и предопределенность, свободу и необходимость, закономерность и случайность.

Само собой разумеется, синергетика возникла не на пустом месте. Она подготовлена развитием физики и математики. Однако неверно утверждать, что синергетика явилась продолжением термодинамики в той части, где началось исследование экстремальных состояний. Так же неправильно полагать, что к синергетике привело, например, развитие статистической физики. Это, так сказать,

«технологическая» подготовка перехода к новой научной парадигме. Что же касается системных мировоззренческих причин, то синергетику следует вписать в развитие западной (христианской) цивилизации, изначально и постоянно связанное с толкованием проблемы «Бог — Бытие — Человек» в логическом плане.

Что нового дает здесь синергетика? На этот вопрос нужно обязательно ответить, причем в рамках синергетики как общей научной парадигмы. Естественные науки выдвинули проблему *становления*, которая не может быть решена на уровне традиционного приоритета объективного по отношению к субъективному. На уровне понимания Бытия как сферы, где определяется причинность всего происходящего, изгнания парадоксальности из логики (прежде всего математической), взаимного отторжения науки от веры и веры от науки, соотношения равновесия и неравновесия в системе динамических факторов развития, понимания единства пространства и времени.

«Берите и владейте» — говорят естественники гуманитариям, предлагая им целый каскад новых понятий синергетики. Среди них — необратимость времени, информационная природа формирования и функционирования разных структурных уровней систем и систем в целом, открытость сложных систем, квазиравновесие (аттракторы), сложное взаимодействие хаоса и порядка в рамках периодических или качественных непериодических изменений (фазовых переходов, бифуркаций), фрактальное подобие системы в целом и ее разных структурных уровней и компонентов. И так далее. С одной стороны, действительно происходит расширение влияния синергетики на современную науку. Этот процесс вполне вписывается в традиционную экспансию новых достижений в области методологии. С другой же стороны, именно естественные науки испытывают затруднения в связи с невозможностью втиснуть новые достижения науки и, главное, новый поворот исследований от функционирования к становлению, в классические мировоззренческие постулаты.

Исходной точкой линейной логики и линейной системы наук является четкое разделение субъекта и объекта. Причем предполагается, что на стороне объекта лежит причинность, тогда как субъект концентрирует в себе свободу воли. По мере погружения в глубину причин свобода воли ограничивается. Предел ограничений —

свобода как познанная необходимость, или рационализация человеческой практики и оптимизация объективных процессов как таковых.

Исходный пункт нелинейного мировоззрения — не взаимодействие «объект — субъект», а взаимодействие «субъект — субъект». Именно поэтому в основе построения новой парадигмы должны лежать науки гуманитарные, изучающие экономику, политику, историю, культуру, психологию и т. д. Логика синергетики формируется в диалоге, в споре аргументов, в определении целей развития общества и его экономики, в попытках разрешения дилеммы «спонтанное — осознанно регулируемое», тогда как линейная логика строится на базе присвоения (виртуального) объекта субъектом и выработки адекватной рефлексии субъекта (адаптации субъекта к объекту).

Но можно ли, с учетом приоритета объективного, ставить вопрос об усилении роли субъекта и субъективности в процессе существования Бытия, даже если речь идет о Бытии — становлении? Включает ли становление общественное целеполагание? Возникает система вопросов: Бытие — Становление — Трансцендентность — Целеполагание.

В этих рамках встает конкретный вопрос о том, как проецируется на частные процессы развития объективного общее отношение «Бытие — Человек». На этот вопрос синергетика пытается ответить, противопоставляя не объект субъекту, а спонтанное — упорядоченному. По мнению И. Пригожина, должен быть признан факт активного поведения всех элементов, участвующих в саморазвитии и самоорганизации систем, включая как объективные, так и субъективные факторы. Пафос синергетики как естественной дисциплины, по утверждению Пригожина, состоит в защите объективного от возрастающей роли субъекта и субъективного.

Главный исходный пункт работ Пригожина — обоснование приоритетной роли объективного вследствие вычленения элементарного спонтанного уровня физических систем, порождающего в итоге коротких хаотических линейных взаимодействий начальное состояние, или фазовое пространство. В этом пространстве складывается ансамбль векторов развития и параметров системы, и формируются такие основополагающие свойства, как необратимость времени (стрела времени), энергетический обмен системы с внешней средой в рамках энтропии (старения системы) и диссипации

(самоорганизации системы, энергетически обеспечиваемой энтропией), единство хаоса и порядка, очень разное поведение систем вблизи равновесия и вдали от него.

Исследования Г. Хакена направлены на понимание объективного поведения системы как целостности. Отсюда концепция, включающая такие категории, как параметры порядка, принцип подчинения статистических мод ведущей, фрактальное подобие, выявляющее меру автономии компонентов систем в рамках их единства как целостности, бифуркации, особенности повышения и понижения сложности систем в процессе их самоорганизации (прямая и обратная перенормировка).

Однако, как нам кажется, последовательная защита объективного не требует приоритета объекта в отношении объект — субъект. Ведь это может быть вполне ограниченный приоритет в рамках адаптации субъекта к объекту (например, социально-политической структуры общества к факторам экономического роста). Но объект способен потерять свой приоритет и занять положение регулируемого. То есть приоритет объективного, взятый сам по себе, еще не выражает приоритета Бытия по отношению к Человеку. В этом случае парадигмальное значение приобретает исследование методологического треугольника «Бог — Бытие — Человек». Поэтому мы утверждаем, что исследование объективного не может быть осуществлено на основе развития синергетики только как естественной науки. Необходимо ее осмыслить на философском, точнее, мировоззренческом уровне.

Синергетика подвела научное сообщество к постановке трех взаимосвязанных вопросов: содержания отношений Бытия в целом и Человека, свободного от Бытия; единства или замещения обратимого физического времени эволюционным необратимым; Бытия ставшего и Бытия становящегося. Естественные науки, породив синергетику, поставили указанные вопросы, но не ответили на них. Ответ может дать только гуманитарное знание. Синергетика как естественная наука работает с операционным субъектом, в масштаб которого не входит ни ориентация на социально значимые цели, ни нравственная модальность. Синергетика как естественная наука оставляет открытым даже вопрос о единстве обратимого и необратимого времени, хотя открытие необратимости времени представляет собой одно из важнейших достижений синергетики.

Наконец, исследуя формы и модели становления, его алгоритмы, синергетика автоматически отвергает прошлое и будущее во имя настоящего. Этот синергетический постулат вызывает сомнение в первую очередь и требует расширения поля синергетики как современной методологии. Тем более что синергетика претендует на создание теории развития и эволюции любых систем, включая Космос.

Аналогия (ссылка) — очень важный постулат синергетического понятия предмета науки, так как она (аналогия) вводит в предмет синергетики неопределенность и обуславливает свободный поиск направлений науки. Аналогию можно рассматривать как новую форму объективно необходимого. Вместе с тем она должна быть дополнена исследованием соотношения закономерного и случайного. И в связи с этим — изучением вероятности, алгоритмов становления, включая анализ фазового пространства, в котором формируются векторы развития, траектории движения системы с учетом бифуркаций, рисков, внешних и внутренних факторов развития системы, энтропии и диссипации, энергетических динамических потенциалов разных структурных уровней системы.

Неопределенность как свойство синергетического предмета исследования коррелирует с неопределенностью в методе. На стороне предмета — аналогия, на стороне метода — ассоциация. Аналогия и ассоциация никогда не бывают тождественными, но именно это обстоятельство на формальном уровне побуждает преодолевать неопределенность в ходе познания. Методологическая неопределенность состоит в том, что система (объект исследования) структурируется специфически, исходя не из общего принципа причинности и выражающего ее единства дедукции и индукции, или логического движения от абстрактного к конкретному, а из спецификации каждого структурного уровня системы с точки зрения особенностей содержания и формы свойственного ему потенциала развития. *Внутреннее поведение системы гармонизируется именно по этому энергетическому принципу.*

Это означает, что синергетика предполагает чрезвычайно высокую корреляцию поведенческих функций каждого данного структурного уровня системы с механизмами реализации динамического потенциала и способами качественного (фазового) перехода

в новое состояние. Все это связывает научную истину с содержанием цивилизации и ее религиозными мировоззренческими постулатами. В частности, в какой форме наука отражает свойственное христианской цивилизации признание триады «Бог — Бытие — Человек»? Современное знание по этому вопросу совершенно недостаточно, требуется философское обоснование «равноправного» или «неравноправного» взаимодействия всех трех компонентов триады.

Российская научная общественность привыкла к марксистской методологии, базирующейся на трех постулатах: диалектическом материализме, историческом материализме и диалектике. Западная наука сформулировала свой исходный методологический треугольник: позитивизм, философия индивидуализма, линейная логика. Казалось бы, парадигмы разные, но они почти симметричны. Кредо диалектического материализма — реальность, данная в ощущениях. По сути, оно устремлено к тождественности научной истины и здравого смысла близко к этому стоит и понятие позитивистской реальности. Исторический материализм значительно больше отличим от философии индивидуализма, так как в нем коллективизм жестко противопоставлен индивидуализму. Однако это — спор о нравственных ценностях, который одинаково далек от парадигмы «Бог — Бытие — Человек».

Что же касается логики, то обе они — линейная и диалектическая — весьма близки друг другу, несмотря на их идеологические отличия. Такие логические постулаты диалектики, как борьба противоположностей, закон отрицания отрицания, диалектическое тождество и т. п., вполне совместимы с построением линейных систем. Доказано, что линейность можно рассматривать как вырожденный случай неопределенности (*Хакен, 1991*); собственно говоря, о том же свидетельствуют методы аппроксимации. Линейность предполагает последовательные переходы от причины к следствию, что вполне может быть интерпретировано в плане закона отрицания отрицания, а также существование рационального содержания научных истин, критерием которых является практическая адаптация человека к узко понятым материалистическим закономерностям. Общая связь «Бог — Бытие — Человек» отсутствует в обеих научных системах, и это обстоятельство ограничивает развитие науки и ее потребление массовым сознанием.

Христианство выдвинуло на роль самостоятельного субъекта развития природы и общества отдельного человека. Не класс, не электорат, не функционального субъекта (в общественной практике — это статистически рациональный средний инвестор, носитель общественно нормальной производительности труда, потребитель, оптимизирующий структуру потребностей в рамках Парето-оптима), а человека с улицы, соседа по лестничной площадке. Пожалуй, это — самый глубокий уровень либерализма. Осознать его и разработать конкретный социально-экономический механизм и необходимую инфраструктуру — это сверхзадача синергетики как общей научной парадигмы. Сложность состоит в том, что проблему нельзя свести к дилемме «государство — рынок», так как она выходит за рамки соотношения централизации и демократизма и поднимается на уровень парадигмы «Бог — Бытие — Человек». Применительно к рыночной трансформации в России предварительным условием решения указанной проблемы должно стать преодоление двух главных ипостасей социализма — материализма и атеизма, доведенных до абсолюта.

Синергетика как теория становления позволяет ввести материализм в логику парадигмы «Бог — Бытие — Человек» и одновременно вывести общество за границу рационализации и здравого смысла при формулировании целей развития и свободного выбора траекторий экономической и социальной динамики. Что касается атеизма, то здесь неизбежен переход от примитивного и политизированного коллективизма к индивидуальному самосознанию на уровне высокой духовности. Базисом такого уровня самосознания является религиозное мировоззрение, так как оно позволяет, с одной стороны, отделить индивида от общества не больше и не меньше, чем это необходимо для подлинной независимости Человека от Бытия и свободного определения содержания и способа связи индивида с обществом. С другой стороны, индивид обретает безграничные возможности познания — не только в рамках практической подготовки к экономической и социально-политической деятельности, но и в поисках Откровения. Новая религиозность, вероятно, должна стать более философичной и менее патриархальной с тем, чтобы преодолеть взаимное отталкивание науки и веры. Таковую возможность заключает в себе синергетика в той степени, в какой

ставит и решает проблему Становления в рамках логики отношения «Бог — Бытие — Человек».

После краткой общей характеристики синергетической парадигмы попытаемся осмыслить роль экономической синергетики. Экономика, в отличие от естественных наук, абсолютно сосредоточенных на исследовании сферы объективного, насыщена субъективной деятельностью. Поэтому ее роль в развитии синергетики имеет принципиальное значение. Проблема субъекта существует в экономических науках изначально, и только потом встает проблема нелинейности, неопределенности, случайности и необходимости. Эволюция не существует без ее самоотрицания, которое предполагает переход объективного в свою субъективную противоположность.

II

Экономическая синергетика

Напомним, что в отличие от субъективно-объективного отношения рефлексии, синергетика владеет анализом взаимодействия (субъектно-субъектного отношения), которое предполагает обращение не к абстрактным, а к конкретным историческим субъектам. Соответственно современную экономику, в пространстве которой взаимодействуют государство, рыночные институты разного типа, крупные, средние и мелкие структуры бизнеса, финансовые фонды, банковская система, население, просто невозможно исследовать вне теории взаимодействия, а значит — вне синергетики.

Вместо методологических постулатов типа «рационального инвестора», «репрезентативной фирмы», «потребителя», «производителя» и тому подобных средних статистических характеристик множественных процессов и институциональных и индивидуальных субъектов, вовлеченных в эти процессы, экономическая синергетика использует статистические распределения и группировки разного типа. Это — первый шаг, хотя и далеко не достаточный, к усложнению экономико-статистических расчетов в целях выхода на исследование конкретных ситуаций в экономике и оптимизации институтов и структур рынка исходя из принципов синергетики.

Второй шаг к усложнению и конкретизации состоит в том, что в экономической статистике существенную роль начинают играть, помимо динамических рядов (индексы роста и прироста), «фазовые портреты», или сопряженность структурных компонентов

экономики как сложной системы. В центр экономико-статистических исследований выходят моделирование и компьютерный эксперимент (Либман, 2007).

Однако этот очевидный прогресс в исследовании еще не дает ответа на вопрос, через какие ворота в экономику входит исторически конкретный индивид. Индивид, хотя и включенный в соответствующее локализованное структурное множество (сектор рынка), но не потерявший свои индивидуальные характеристики, в том числе потребности и интересы, целевые и моральные ценности и установки, социальную и экономическую активность и энергию. Для ответа на этот вопрос нужен третий шаг в совершенствовании экономической методологии, дающий возможность осмысления исторически конкретных ситуаций и исторических перспектив. Имеется в виду освоение возможностей синергетики как науки *становления*, а применительно к экономике — *экономической синергетики*.

Первый вопрос, который ставит общество перед экономической синергетикой, — это вопрос о свободе. С одной стороны, необходима свобода экономического выбора на уровне индивида. Такая свобода предполагает дистанцию индивида от экономики (рынка). Дистанция создается на основе приоритета духовного начала в жизнедеятельности людей и в формировании индивидуальных потребностей. Только в этом случае складывается отчужденность человека по отношению к его собственным и в целом множественным рыночным ожиданиям. С другой стороны, инфраструктура экономики должна обеспечивать свободу индивидуального выбора функций, видов деятельности и потребностей, секторов активного участия индивида в социально-экономических отношениях.

Из сказанного следует, что экономика должна быть либеральной, причем в старом теоретическом ключе, разработанном в свое время Хайеком, то есть предполагается неограниченный либерализм. Одновременно экономика должна быть макроэкономикой, в рамках которой либерализм ограничен самим фактом спецификации структурных уровней — финансового, денежного, регионального, социального. Как решает синергетика эту парадоксальную двуединую задачу?

С одной стороны, должен существовать, как это следует из синергетической логики, совершенно особый структурный мик-

роскопический уровень экономики (рынка), на котором формируется многофакторное хаотическое множество коротких линейных взаимодействий (Пригожин, 2001). Ему присущ разброс вероятностей — ожиданий самых разных событий (эффективности инвестиций, спроса и предложения и всех других экономических и социальных показателей развития экономики и общества, включая индивида) с высокой амплитудой колебаний уровня вероятностей, более высокой, чем это возможно в рамках корреляционных зависимостей. Это — сфера индивидуальных микроскопических хаотических взаимодействий не только внутри системы, но и взаимодействий с внешней средой. Энергия взаимодействия с внешней средой на уровне хаоса, как разъясняет И. Пригожин (Пригожин, 2001), является отрицательной потенциальной энергией, в отличие от внутрисистемных микровзаимодействий, которые создают положительную энергетику системы в целом.

В синергетике используется термин «короткие взаимодействия» для множества коротких линейных взаимодействий — содержания хаоса на микроуровне. Их противоположность — «длинные взаимодействия». Короткие взаимодействия гасятся, но прежде продуцируют длинные взаимодействия, способные образовывать более или менее стабильные корреляционные связи.

В результате сочетания взаимодействий и корреляций формируется фазовое пространство с ансамблем векторов развития, устремленных к определенному аттрактору, или «притягивающему множеству», обеспечивающему динамическое равновесие на определенное время. Переход из одного аттрактора в другой происходит в точках бифуркаций (раздвоенности или даже множественности траекторий развития) и спонтанного выбора траекторий развития. Траектория, складывающаяся из бифуркационных отрезков, несет в себе необратимость времени («стрелу времени»). Необратимость относится к макроскопическим компонентам системы и ее структурным макроскопическим уровням, хотя необратимость была бы невозможной без микроскопического мира коротких хаотических взаимодействий и корреляций. Как показывает И. Пригожин, необратимость складывается на микроскопическом уровне системы.

С другой стороны, в инфраструктуре рынка должны быть отражены в единстве оба структурных уровня, макроскопический

и микроскопический. В макроскопической сфере индивид должен иметь возможность выступать исключительно в роли носителя определенных социально-экономических функций — инвестиционной, эмиссионной, производительной, потребительской. Эти функции одинаково (фрактально) принадлежат всем субъектам рынка, а не только индивидуальным. В то же время в микроскопической сфере индивид выступает в своих первозданных качествах, которые формируют его индивидуальность. То есть в качестве физического лица (в этнической ипостаси), социального субъекта (в гражданской ипостаси) и личности (в духовной ипостаси). Само вхождение индивида в микросферу коротких хаотических линейных взаимодействий опосредовано комплексом его индивидуальных ипостасей. Целостность индивида как совокупности ипостасей выводит человека из-под власти макросферы, где человек, как носитель фрактального подобия (в сумме четырех вышеуказанных свойств), тождествен объективным процессам. Субъективное сливается с объективным в адаптационном тождестве.

Казалось бы, малозначимый факт, но это не так. Проблема внутренней дистанции субъекта от объекта, которая принципиально ставится именно в синергетике, является основанием для создания конкретных механизмов взаимодействия объективного и субъективного.

Двуединое рассмотрение позиции индивида в экономике поднимает проблему либерализации как органического свойства экономики. Для либерализации экономики и общества вовсе не нужно держать курс на преобладание мелкого бизнеса, ибо экономику мы вправе рассматривать как инфраструктуру функциональной либеральной личности. Либерализм свидетельствует о содержании экономики как целостной системы, в пространстве которой имеют место и макроструктуры, и сфера стохастических процессов. Благодаря тому что структурный микроскопический уровень представлен хаосом коротких линейных взаимодействий, продуцирующих длинные корреляции, экономика подчиняется действию необратимого эволюционного времени.

Из сказанного следует, что синергетика предлагает иное деление экономики на структурные уровни, нежели централизация. В централизации, напомним, имеет место разделение экономики на микро- и макроуровни, при этом критерием является степень интеграции

рынка. Соответственно, выделяется микроэкономика, «экономика Фирмы» (термин Дж. М. Кейнса), экономика множества рыночных предприятий, рынок свободной конкуренции. Микроэкономике противопоставляется макроэкономика — «Денежная экономика» (по Кейнсу), представляющая собой интегрированный рынок и потому управляемый системой регуляторов с участием государства.

В отличие от сказанного уровни синергетической макроэкономики адекватны исторически конкретному Бытию. В пространстве экономической синергетики действует тенденция к совпадению строения макроэкономики и содержания (в полном его охвате) конкретных форм Бытия. Вспомним понимание экономики в 60-е годы: наука об оптимальном распределении ограниченных материальных ресурсов. Сейчас, в начале XXI века, научное сообщество исследует экономику как ядро целостного системного строения общества, способное к самовоспроизводству и развитию на основе взаимодействия не только объекта и субъекта, но также субъекта и субъекта. Отсюда тенденция к объединению экономики и ее культурного и социально-политического контекста в сложную единую систему.

Во-первых, внутри синергетической макроэкономики, исходя из ее развития в направлении идентичности с Бытием, в первую очередь должна быть проведена граница между сферой действия обратимого классического времени, или сферы каузальных линейных связей, и сферой необратимого эволюционного времени и нелинейных взаимодействий. Именно в рамках действия обратимого времени складываются механизмы и формы централизации. Уровни централизации не следует смешивать с уровнями действия обратимого и необратимого времени, а смысл государственного участия в экономике нельзя сводить к частным случаям страхования рынка от «рыночных провалов».

Во-вторых, должны быть определены уровни с точки зрения способов включения человека в экономику: либо как исторически конкретного индивида, в котором существенны статусы физического лица, социального (гражданина), духовного (личности), либо как функционального рыночного субъекта, носителя функций инвестора, эмитента, производителя, потребителя. Конкретный исторический человек есть субъект стохастической микроскопической сферы.

Функциональный субъект рынка — это участник макроэкономической сферы. Неправомерно выстраивать такую историческую последовательность, будто микроэкономический уровень экономики функционально предшествует созданию макроэкономики в виде, например, «робинзонады». Микроэкономический уровень принадлежит синергетической макроэкономике и исторически утверждается на достаточно высоком уровне развития рынка. Практически это — проблема постиндустриального общества. Мощный импульс к освоению синергетики общество получило не так давно, и связано это в немалой степени с российскими рыночными реформами.

В-третьих, в макроэкономике как целостной синергетической системе есть еще одна структурная граница. Она проходит между текущим рынком и стратегическим. Базисом текущего рынка является денежный капитал, или бюджетно-денежная система страны, тогда как стратегический рынок опирается на финансовый капитал (прямые долговременные программные инвестиции). Если текущим рынком управляет система балансов, то стратегический рынок формирует свою воспроизводственную модель, в которой получает развитие объединенная концепция Кейнса (матрица параметров экономического роста) и Н. Кондратьева (Большой Кондратьевский цикл как траектория движения рынка к предельному типу экономического роста, для которого характерно соединение траекторий экономической и социальной динамики). Именно применительно к указанной воспроизводственной модели можно говорить о полном воплощении принципов синергетики.

В-четвертых, мы выделяем границу между Центром и региональной сферой. Можно интерпретировать данную проблему как формирование специфической синергетической централизации, которая трансформирует управленческую вертикаль (управленческую централизацию) в кластерную региональную систему, опирающуюся на распределение инвестиций в рамках внутренней конвергенции между финансовым капиталом и государством.

В-пятых, становление синергетической рыночной макроэкономики раскрывает новые возможности глобализации. При том что одним из базисов глобализации остается рационализация мирового рынка и национальных экономик, процесс глобализации усложняется, так как оптимизация глобальной экономики дополняется

актуализацией механизмов локальной оптимизации национальных рынков. Граница между мировой экономикой и национальным рынком не снимается. Ее удерживает образование единой денежной инвестиционной системы отдельных стран.

Это — деньги системы оборотов финансового, денежного и регионального капиталов. Они позволяют объединить инвестиционные, валютно-денежные, фондовые и коммерческие рынки, сохраняя при этом иерархию структурных уровней национального рынка (иерархию системы национальных рынков). Тем самым изменяются принципы и масштабы усвоения денег экономикой, складываются возможности нежесткого упорядочивания денежной и кредитной эмиссии в рамках регулируемой неопределенности (нелинейности) экономики. Механизмом регулируемой неопределенности является соединение инфляции, прежде всего кредитно-денежной, и рыночной экспансии. Действие такого механизма равносильно каталитическим петлям, описанным применительно к химической синергетике.

В-шестых, классическая наука способна видеть и противоположность объекта и субъекта, и их тождество, но вне алгоритма становления, или самоорганизации, концентрируя внимание на начальных и замыкающих точках календарно заданного периода.

Например, теория рисков использует в качестве начальной абстракции идею индивида (аналог физической точки), погруженного в пространство объективных факторов и условий. Здесь противоположность объекта и субъекта снимается приоритетом индивидуального. Если предполагается — применительно к линейной системе — более сложная ситуация, то в этом случае субъект и объект в итоге взаимодействия сливаются в одно целое, причем объективируется субъект. Так, мы привыкли измерять уровень развития экономики душевыми нормами производства и потребления, а перспективы — скоростями и ускорениями экономического роста, исходя из максимизации или оптимизации суммарной факторной эффективности. Вместе с тем эти показатели должны корректироваться с учетом возможностей свободного выбора типов экономического роста и типов взаимодействия адаптационной и целевой структур экономики.

Тем самым в анализ вводится становление, или саморазвитие, экономики с учетом траекторий, динамики, алгоритмов, проме-

жуточных состояний равновесия (аттракторов), целевых установок общества, личного участия населения в формировании всех показателей. В этом случае имеет место нелинейное системное взаимодействие объекта и субъекта на базе примата субъекта. Однако приоритетность субъекта поставлена в рамки двух системных субъектных структур: адаптационной, направленной на реализацию каузальности объекта (материальных факторов и условий общественного производства), и целевой, направленной на подчинение общественного производства общественным целям и социальным приоритетам. Эти субъектные системы разделяет внутренняя граница между лидерами экономики — финансовым капиталом и государством. За каждым из них стоит структурно-институциональная вертикаль, соответственно — финансово-экономическая и социально-политическая.

В-седьмых, синергетика позволяет отойти от линейной совокупности материальных и институциональных факторов экономического роста, взятых по отдельности, а также отдельно взятых экономических, политических и социальных факторов, причем в сумме разных ракурсов — структурного и геополитического. Синергетика работает с особым (не линейным по своей природе) типом социально-экономической целостности страны, когда целостность продуцируется сбалансированностью процессов энтропии (старения) и диссипативных (временных институциональных и структурных) образований открытой экономики. Таким образом, в рамках экономической синергетики целостность имеет иное содержание, нежели образование системы народно-хозяйственных отраслевых комплексов в государственных границах рынка. Главная проблема целостности в этом случае — это сохранение автономии национального рынка в рамках глобальной мировой экономики (при условии внутренней подвижности ее институтов и структур). В этой связи очень важна граница между условиями и сферами воспроизведения синергетики и условиями и сферами ее вырождения в линейную систему.

В-восьмых, экономическая синергетика нагляднее, по сравнению с синергетикой как естественной наукой, проявляет свойства новой научной парадигмы. Это — следующий шаг в развитии сложных систем в экономике и социальной сфере. Произошло пополнение ряда хорошо изученных систем, исходящих из строения централизованной экономики, мало изученными системами разной

размерности, в частности четырехмерными, составляющие компоненты которых развернуты не только в пространстве, но и по временной оси. То есть речь идет о системах с внутренним временем, с сочетанием факторов капитала, дохода, продукта и труда разной размерности со сложными траекториями развития. Такие системы способны к самоорганизации и саморазвитию, к накоплению внутренних предпосылок эволюции. Это — открытые системы, имеющие постоянный социальный энергетический обмен со своей внешней средой. В таком обществе системные связи реализуются через постоянное взаимодействие. Это — общество социального консенсуса.

Подведем промежуточный итог наших методологических размышлений.

Поскольку в море взаимодействий могут быть выделены короткие взаимодействия, их можно интерпретировать как сферу линейных способов общения. Это — экономический микрокосм, или микроскопический уровень экономического взаимодействия, формирующий предпосылки социального консенсуса. Микроскопический уровень просто не может существовать без выделения субъекта как исходной точки построения рыночной экономики из окружающей его реальности. В экстремуме все факторы развития этого уровня являются экзогенными. Данное обстоятельство несет в себе условие индивидуальной социально-экономической свободы. В рамках индивидуальной свободы определяется захват, его масштаб и характер объективного (объекта) в меру возможностей индивида. Соответственно, объективное выступает как неопределенное. Экзогенное значит неопределенное, а неопределенное значит субъективированное. Таким образом, на уровне микрокосма не складывается равноправие объекта и субъекта, напротив, формируется приоритет субъективного волевого решения.

Вместе с тем параллельно существует и развивается экономический макрокосм социально-экономических отношений, в основе которых лежат длинные взаимодействия. Именно в этом макроэкономическом пласте, в рамках стратегического рынка обнаруживаются относительно автономные факторы и коррелированные траектории экономического роста капитала, дохода, труда и продукта, составляющие основу общественного и экономического саморазвития. Его субъект — это функциональный индивидуальный или

институциональный рыночный субъект. Значит ли сказанное, что саморазвитие, будучи сферой макрокосма, как бы вбирает в себя всю совокупность факторов и превращает их в эндогенную структуру? Да, такое мнение достаточно распространено.

Например, его научным подтверждением является концепция Г. Малинецкого о руслах и джокерах (*Капица, Курдюмов, Малинецкий, 2001*). Русло — это вектор, который как бы втягивает в свою орбиту множество факторов, образующих единую, хотя и несколько размытую (по сравнению с вектором) траекторию. Русло этой синергетической реки включает и водовороты, локализирующие участки хаоса. Русла растекаются в поле бифуркаций или каскада бифуркаций. В каждой такой кризисной ситуации комплекс эндогенных факторов «рассыпается». При этом эндогенные факторы трансформируются в экзогенные, способные воспринимать и проводить внешнее для экономики сугубо политическое регулирование.

С одной стороны, в той мере, в какой речь идет о саморазвитии, макроэкономика действительно должна сконцентрировать все факторы развития в одной корзине эндогенных факторов. Именно так подготавливается бифуркация и качественный переход. В практическом плане это равносильно квазисвободному (политическому) выбору обществом типа экономического роста. При этом рынок и государство действуют как бы заодно — стремятся максимально приблизиться к технологическим возможностям экономического роста. Происходит социальная адаптация, или адаптация общества к экономике как объекту. Критерий социальной адаптации — суммарная факторная эффективность.

Выбор в этом случае равносильен объективизации (опредмечиванию) социально-экономических отношений, или объективизации субъекта. Парадоксально, но свобода выбора технологического типа экономического роста (капиталоемкого, трудоемкого, нейтрального — популярная проблема в 1960-е годы) несет в себе подчинение субъекта формам его адаптации — объективизации. Примером этого служит и современный выбор российским обществом типа экономического роста на базе приоритета экспортного топливно-энергетического комплекса. Нужны специальные механизмы выхода из указанного типа экономического роста, который довлеет и над рынком, и над государством.

Есть риск, что неопределенность, закладываемая микрокосмом, может быть на макроуровне снята и заменена каузальностью. Это, кстати, самая распространенная трактовка соотношения неопределенности и каузальности в экономической теории. Однако ее адепты не замечают, что таким образом отсекается микрокосм и вместе с ним — необратимое время, отражающее погруженность экономики в эволюцию, самоорганизацию, саморазвитие. Создается ложный парадокс: эволюция приписывается социальному субъекту, прежде всего политической воле, носителем которой является государство, однако содержательность политического волевого регулирования ограничивается рамками технологического выбора. Тем самым масштаб каузального резко снижается, им охватывается не вся сфера объективного, в пределе — Бытие, но только пространство адаптации, то есть рационализация.

Следует подчеркнуть, что синергетика сопротивляется такому подходу, когда предмет и метод макро и микро принципиально разделены: или — или. Она является теорией макроэкономики не вследствие отсечения микрокосма от макрокосма, а, напротив, исключительно ради понимания макроэкономики как целостной системы, в которой микро и макро имеют более глубинную связь, чем это можно вывести из иерархии, присущей системе централизации.

Вместе с тем, если макроэкономика, вследствие адаптации, утрачивает качество субъекта, она лишает себя возможности внедриться в сферу объективного достаточно глубоко, чтобы имело смысл рассуждать о свободе выбора в широком спектре, а не только технологическом, о целевом подходе к общественному производству. Чтобы обществу вернуть свободу и целевые подходы к развитию, необходимо, чтобы снятие неопределенности микрокосма не вело к утрате индивидуальной свободы, тем самым — либерализма в пространстве макрокосма. Важнейшее синергетическое богатство общества — это индивидуальная свобода, встроенная в пространство макрокосма. С точки зрения синергетики либерализм нельзя подменить демократизмом, так как, взятый сам по себе, он отсекает микрокосм от макрокосма.

Если индивидуальная свобода (свобода на уровне микрокосма) продуцирует неопределенность и упорядочивает ее на основе образования необратимого времени, то социальная свобода (целевой выбор на уровне макрокосма) продуцирует соединение обратимости

и необратимости времени существования общества. Из сказанного следует, что практические аспекты социальной эволюции — факторы экономического роста, перспективы, приоритеты и цели — выходят на самый верхний уровень соотношения Бытия и Человека.

Итак, социально-экономический взгляд на содержание синергетики вносит серьезные дополнения к пониманию ее как общей научной парадигмы. Анализ экономической синергетики доказывает, что синергетика есть не только теория развития сложных открытых систем на принципах самоорганизации, как это представлялось в первых работах по синергетике в начале XX века. Более того, синергетика шире и той ее трактовки, которая была дана в конце XX и начале текущего века. Согласно этой трактовке синергетика рассматривается как наука о Становлении Бытия. *Экономическая синергетика — это уже наука о Становлении Субъекта.*

Коммуникативное общество выдвигает новые вопросы относительно понимания свободы, а значит, и современного содержания либерализма. Если для преимущественно каузального общества проблема свободы ставилась в плане отношения субъекта к объекту как предмету деятельности, то в пространстве коммуникативной практики свобода рассматривается как атрибут личности — полноты ее ипостасей, роли свободы в саморазвитии индивида, роли индивидуальной свободы для возрастания меры свободы общества.

В каузальной среде точкой отсчета была полнота свободы человека, которая постепенно ограничивалась по мере учета сложности общественного устройства. В коммуникативном обществе вектор развития свободы имеет обратное направление. По мере развития человека как личности его свобода растет. Чем сложнее общество, тем выше степень индивидуальной свободы. Таким образом, если в линейном мире вектор свободы направлен на повышение рациональности социально-экономических отношений, то в нелинейном синергетическом мире свобода служит индивидуализации социально-экономических отношений и развитию личности отдельного человека.

В одной из своих работ Г. Хакен подчеркнул необходимость изучения специфики той или иной науки, прежде чем делать выбор используемых в ней модельных построений, а главное — прежде чем давать их интерпретацию. Исходя из этого, мы переходим к вопросу об экономической синергетике как теории рыночной макроэкономики.

Экономическая синергетика как теория рыночной макроэкономики

До сих пор мы рассматривали экономическую синергетику с точки зрения ее вклада в общую синергетическую парадигму. Теперь сменим ракурс. Проанализируем, что дает синергетический подход для понимания экономики и ее конкретных проблем. Наши исследования показывают, что концепция рыночной макроэкономики не может быть построена на базе традиционной линейной логики. Вместе с тем и экономическая синергетика не обнаруживает всех своих свойств вне конструктивной основы, каковой является рыночная макроэкономика. Собственно говоря, по-другому и не может быть, если экономическую синергетику понимать как теорию становления, в частности — теорию рыночной трансформации в России. Надо признать, что пока становление рыночной макроэкономики осуществляется в нашей стране скорее спонтанно, нежели в рамках осознанной экономической политики (не только государства, но и бизнеса любого уровня). Без синергетического подхода к изучению процессов рыночной трансформации невозможно выявить спонтанные тенденции, если их природа не линейна и все уровни экономической системы имеют информационную составляющую.

В данном докладе мы намереваемся рассмотреть вопрос о том, что такое макроэкономический потенциал экономического роста. Что происходит с факторным потенциалом экономического роста, создаваемым в пространстве микроэкономики, при переходе

к рыночной макроэкономике? Пожалуй, это самый главный вопрос, непосредственно касающийся природы рыночной макроэкономики. Монетаристские методы регулирования рынка линейно связывают бюджетный профицит/дефицит с финансово-денежной стабильностью экономики, подрывая тем самым стимулы рыночной экспансии, инфляционные по своей природе. Как тут быть? Пока практика, оставаясь в пространстве линейной логики, дает ответ — ужесточать государственную монополию и приоритет государственного распределения и перераспределения факторов производства и финансовых ресурсов.

Вопрос поставлен жестко. Можно ли обойти тупиковую альтернативу: либо рост капиталоемкости, инфляции и повышение рыночного тонуса хозяйственных рыночных субъектов — либо финансово-денежная стабильность, профицитный бюджет и необходимость особых нерыночных мер поддержания высокой рыночной конъюнктуры? Вообще, возможен ли выбор типов экономического роста (капиталоемкого — нейтрального — трудоемкого) и нужен ли он?

Экономический выбор на макроуровне не может быть оторван от свободы выбора как бизнеса, так и отдельного человека. Рассматривая проблему либерализации рыночной макроэкономики, мы хотим осмыслить соотношение свободы, неопределенности и рационализации экономики.

Для выяснения всех этих вопросов обратимся сначала к разработанной нами **синергетической схеме экономики (ССЭ)**. Составляя ССЭ, мы отталкивались от критического анализа традиционного строения рыночной макроэкономики: микроэкономика, или микроуровень рынка, а в качестве надстройки над ним — денежная экономика, которую Кейнс понимал как агрегированный денежный оборот (обороты бюджетно-денежной сферы, финансово-денежные обороты хозяйственных рыночных звеньев и финансово-денежных рынков). Х. Мински структурировал макроуровень, введя понятие контуров: Денежный контур, то есть валютно-денежная система страны во главе с Большим Правительством; Финансовый контур, то есть инвестиционно-денежная система страны во главе с Большим Банком. По сути, контур есть вертикальный финансово-денежный оборот, расщепленный на финансовую и денежную час-

ти по принципу выделения полей управленческой компетенции каждого из двух институциональных макросубъектов — Большого Банка и Большого Правительства. Анализ структурной эволюции экономики, основанной на принципах централизации, был бы очень интересным и плодотворным, но он выходит за рамки требований к объему доклада (См. *Евстигнеева, Евстигнеев, 2005 (2)*). Оставляем читателю возможность провести сравнительный анализ тенденций развития кейнсианской, ставшей общепринятой структуры рынка и развиваемой в докладе концепцией ССЭ.

Остов ССЭ составляют структурные уровни: макро и микро (см. схему). Уровень макро имеет два компонента: комплекс отношений финансового капитала (системы оборотов финансового, денежного и производительного регионального капитала) и комплекс отношений государства как политического и экономического субъекта макроуровня. Уровень микро тоже состоит из двух компонентов: сферы конкурентного рынка и сферы индивидуального массового субъекта рынка (экономики).

Синергетическая схема экономики

1. Сфера действия финансового капитала: финансовый, денежный и стоимостной контуры экономики.	2. Сфера действия государства: плановые, стратегические, социальные и правовые услуги обществу и рынку.
3. Сфера действия рынка свободной конкуренции.	4. Сфера действия массового экономического, социального и политического субъекта.

Уровень макро (блоки 1 и 2) эволюционирует в сторону развития новых дополнительных стратегических уровней рынка. Микроуровень служит сферой формирования институтов либерализации рынка — как рынка свободной конкуренции (блок 3), так и способов включения индивида в общественное производство (блок 4). Все четыре комплекса представимы как институциональные макросубъекты рыночной макроэкономики.

Во-первых, они фиксируют рынок именно макроэкономики, характеризующейся не только своей целостностью, но также особыми источниками развития и соответствующими механизмами

их реализации. Во-вторых, социально-экономическая природа рынка в ССЭ выражена таким образом, что обеспечивается одновременно локализация национальной экономики и ее открытость, и то и другое — в качестве условий развития рыночной экономики на принципах самоорганизации. Причем самоорганизация осуществляется в рыночной макроэкономике в целом. В-третьих, остовом рыночной макроэкономики является система институциональных макросубъектов. При этом происходит расширение сферы рыночной макроэкономики и превращение экономики в ядро развития общества (в единстве экономики-текста и социального, политического и культурного контекста).

ССЭ, в отличие от структуры централизации, имеет не одну, а две вертикали, соединяющие микро- и макроуровни экономики: вертикаль, соединяющую блоки 1—3, и вертикаль, соединяющую блоки 2—4. Здесь существенны два момента. С одной стороны, в указанных вертикалях расположены структуры, благодаря которым социально-экономический субъект в ССЭ имеет системную и институциональную (субъектную) природу. Вертикаль 1—3 во главе с финансовым капиталом выражает систему субъектов, ориентированных на адаптацию общества к технологическим и социально-политическим условиям узко взятой экономической деятельности (системы рынков). В этом качестве данная структура есть системный субъект, в рамках которого объективное выступает как объективированное субъектное и субъективное. Вертикаль 2—4 во главе с государством представляет собой систему субъектов, ориентированных на формирование целей и социальных приоритетов. В пространстве данного системного субъекта, напротив, рыночная экономика приспособливается к целям, которые могут выходить далеко за рамки реальных возможностей общественного производства.

Отношения между этими двумя вертикалями есть отношения внутренней конвергенции (взаимного приспособления) государства и финансового капитала. Однако конвергенция не является чем-то внешним по отношению к рыночной макроэкономике. Прежде всего, она зафиксирована в условиях самоидентификации всех субъектов рынка, включая все уровни и индивида. Для ССЭ присуще фрактальное подобие рыночных функций каждого из институциональных или индивидуальных участников экономики с точ-

ки зрения присущих им функций — инвестора, эмитента, производителя, потребителя. Кроме того, вертикали несут в себе историческую память своего формирования, которая всегда воспроизводится, хотя формы такого воспроизводства постоянно эволюционируют.

Так, создание вертикали финансового капитала (объединение блоков 1—3) на старте обусловлено невероятно высокой дифференциацией доходов. Это означает, что к финансовому капиталу (конкретно — долговременным очень крупным инвестициям, собственным и заемным, в основном в программные или инфраструктурные проекты) ведет вертикаль, основанием которой является гипербола распределения доходов, в которую должна быть вписана парабола денежного капитала, обеспечивающая трансформацию доходов, даже мельчайших, в ссудный капитал. Ясно, что денежный капитал должен быть представлен двухуровневым Банком (системой двух банков: центрального валютно-денежного и универсального коммерческого). Наконец, необходим еще и инвестиционный банк, соединяющий денежные и финансовые (инвестиционные) обороты. Из сказанного, кстати, следует, что государство в своей экономической политике не должно игнорировать эту макроэкономическую функцию финансового капитала и выставлять ему требования как любому другому бизнесу. Внутренняя конвергенция государства и финансового капитала должна иметь особые механизмы. Можно предположить, что разработка и осуществление крупных инвестиционных национальных программ есть вхождение в пространство внутренней конвергенции. Проблема далеко не решена, но начало ей положено.

Что касается целевой вертикали, то она естественным образом дополняется функцией социального регулятора, которую поначалу государство берет на себя. Если стержнем финансовой вертикали является трехуровневая банковская система, то целевая вертикаль имеет в основании внерыночные взаимодействия, точнее, ненормативные трудовые отношения. В перспективе — это важнейший блок формирования общественного массового сознания, продуцирующего общественные цели и приоритеты. Гражданское общество — надстройка над массовым общественным сознанием, которая вводит в это сознание систему интересов и потребностей общества, отдельных групп и индивидов. Венчает вертикаль государ-

ство — как рыночный регулятор, опирающийся в своей деятельности на ту же систему идентифицирующих функций инвестора, эмитента, производителя, потребителя.

В заключение обратим внимание на то, что иерархия рынков (взаимодействующие вертикали) не является ни монополией крупного бизнеса, ни монополией государства. Иерархия рынков может быть понята, исходя из основ экономической синергетики. Напомним, что синергетика представляет собой теорию саморазвития очень крупных или сложных (сложносоставных) систем не обязательно одной природы, целостность которых продуцируется постоянным внутренним и внешним взаимодействием. Синергетическая эволюция включает механизмы и государственного управления, и рыночной самоорганизации, и рыночного саморазвития, и собственно социальной эволюции общества.

Перейдем теперь к рассмотрению **воспроизводственной синергетической модели**.

С одной стороны, речь идет о *Большом Кондратьевском цикле* (БКЦ). В его рамках рыночная макроэкономика развернута во времени: периоды (фазы) последовательно сменяются вместе с типами экономического роста — интенсивным, интенсивно-экстенсивным, экстенсивно-интенсивным, диверсифицированным экстенсивным. Это дает эффект глубокого и без «отходов» использования всей гаммы факторов экономического роста. Последнее связано, во-первых, с тем, что каждая из фаз БКЦ подготавливает внутри себя переход в следующую фазу, а во-вторых, с тем, что БКЦ отличается не только строением системы, но и характером времени. Синергетическая система, присущая БКЦ, подчиняется капитальному циклическому времени. Единицей времени служит длительность цикла (2π). Время течет неравномерно. Временная траектория содержит точки бифуркации, алгоритм которых подчиняется закону бифуркации с удвоением. Однако благодаря этому происходит общее движение экономики к предельному типу экономического роста с тенденцией величины капиталоемкости к 1.

БКЦ устроен по типу матрешки: все фазы исходят из одной нулевой точки, а заканчиваются в разных временных точках. Таким образом, их длительность различна, но все имеют общие отрезки

времени. Фазы вкладываются друг в друга, как вкладываются друг в друга матрешки от самой большой до самой маленькой. Это позволяет расщепить экономический рост и представить его как указанная выше последовательность типов роста. Рынок и общество получают определенную свободу стратегического маневра, или выбора того пути, который приводит, по мнению общества, к предельному типу экономического роста.

С другой стороны, предполагается создание *единой денежной инвестиционной системы страны* (ЕДИС). Она обслуживает функционирование структурной рыночной иерархии капиталов (финансового, денежного, производительного) и установление воспроизводственной модели Большого Кондратьевского цикла, в рамках которой экономический рост обнаруживает свою квантовую природу. Исходной точкой рыночной иерархии является рынок стратегических программных инвестиций, формирующий стратегический квант экономического роста (потенциальный резерв экономического роста) и его институциональную составляющую — систему отношений внутренней конвергенции государства и финансового капитала.

Экономический рост (на основе максимизации суммарной факторной эффективности) и развитие совпадают в процессе конкретизации кванта, идущего по ступеням оборотов: финансового капитала, затем денежного капитала, затем производительного регионального капитала. Причем оборот регионального капитала строится не по законам взаимодействия технологических отраслевых цепочек, а опирается на развитие системы инвестиционных кластеров (*Евстигнеева, Евстигнеев, 2006 (1)*), вовлекающих в свою орбиту факторные и территориальные рынки.

Воспроизводственная модель БКЦ, если ее рассматривать как одну из форм Бытия, характеризуется метаморфозой потенциального, свернутого Бытия (экономического роста) в действительное Бытие. Этому соответствует конкретизация (по ступеням структурных уровней рынка) условий развития рынка и последовательное наращивание производительного потенциала (факторный потенциал — спросовый потенциал — структурный институциональный потенциал — социальный потенциал). Умножение экономического потенциала опирается на последовательность типов экономического

роста: интенсивный — интенсивно-экстенсивный — экстенсивно-интенсивный — диверсифицированный экстенсивный.

Теперь подробнее — о системных деньгах рыночной макроэкономики (ЕДИС). Речь идет о специфическом содержании денежных оборотов макроэкономики. В отличие от товарно-денежных оборотов микроуровня, они не дискретны. Их субъекты отличаются неустойчивыми ролевыми различиями собственников (собственники денег, производственных факторов, товаров, выручки от реализации, инвестиций) или видами собственности. Напротив, рыночные агенты обладают комплексом инвариантных по отношению к структуре собственников функций (инвестор, эмитент, производитель, потребитель). Становится привычной социально-экономическая подвижность населения в рамках устойчивой институциональной системы рынков — рынка инвестиционных стратегических программных инвестиций, массовых финансовых и денежных рынков, региональных товарных рынков, социальных рынков.

В качестве негативного эффекта можно отметить появление некоторой размытости социальной ответственности индивида, класса, группы. Этот момент хорошо просматривается на примере тщетности уголовного преследования коррупции. Чтобы ликвидировать коррупцию, нужно сформировать структурные основные элементы макроэкономики: ЕДИС; иерархию рынков во главе с рынком программных инвестиций и крупным финансовым капиталом; симметричную ей социально-политическую вертикаль, созидующую социальный трансформационный потенциал экономики; механизм активного взаимодействия крупного финансового капитала и государства, и т. п. Индивидуальная ответственность возвращается в экономику в опоре на либеральный консенсус общества, устанавливающего свои традиции и неформализованные институты. Именно ЕДИС собирает в единое целое финансово-денежные потоки разных рынков и разных уровней экономики, включая не только взаимодействие микроэкономики и макроэкономики, но и системные связи стратегических и текущих рынков. Соответственно, институциональной базой ЕДИС должна стать трехуровневая банковская система, в пространстве которой осуществляются метаморфозы капитальных, доходных и трудовых денег, кредитных и наличных денег, длинных и коротких.

Далее, ЕДИС несет в себе черты синергетической целостности рынка в отличие от централизации, базис которой — бюджетно-денежная система, управляемая государством. Централизация предполагает двухуровневый банк, хотя и с главенством открытого валютно-денежного рынка (в условиях глобализации). Приоритет валютно-денежных отношений выражается в пассивной роли процентной ставки в комплексе монетарных регуляторов. Рыночная самоорганизация осуществляется лишь частично, будучи погружена в процесс государственного управления. Рынок «обезглавлен», так как его субъекты лишены свободы формирования своей и общей стратегии экономического роста. Все больший вес набирает государственное перераспределение собственности и инвестиций, причем вне связи с эффективностью активов и пассивов. Имеет место элитарный, а значит, ограниченный фондовый рынок. Незрелость фондовых рынков сочетается с незрелостью инвестиционных функций банковской системы.

Как связаны между собой деньги бюджетно-денежной системы и ЕДИС? Максимум развития бюджетно-денежной системы достигается тогда, когда решается проблема утверждения национального рынка как особой (собственной) ниши в глобальном мировом рынке. Российская экономика решает сейчас именно такую задачу, предусматривающую два шага.

Первый шаг, с точки зрения проблемы денег, состоит во вступлении России в ВТО. В этом случае стандартная цепочка Т—Д—Т получает статус глобального товарно-денежного оборота. Соответственно, национальная валюта становится конвертируемой, а национальный бизнес — конкурентоспособным. Если перевести наши рассуждения на конкретный язык, то имеется в виду цепочка связей: Платежный (торговый) баланс — Счет операций с капиталом и финансовыми инструментами — Валютные резервы страны.

Второй шаг осуществляется на уровне глобальной экономики, когда цепочка Т—Д—Т трансформируется в цепочку Д—Т—Д. Это означает, что происходит вхождение в глобальную экономику внутреннего рынка на основе Счета операций с капиталом и финансовыми инструментами. В контрапозиции к нему стоит фаза (квази)товарной формы денег — Платежный (торговый) баланс. Завершают цепочку данной денежной метаморфозы Валютные резервы как специфический денежный фонд, или потенциальные деньги, так

или иначе инвестируемые в экономику. Глобальная денежная метаморфоза $D-T-D$ связывает мировые финансово-денежные рынки с мировыми товарными рынками, а мировую валютно-денежную систему с бюджетно-денежными отношениями внутреннего рынка, которому приходится формировать условия, упрочивающие положение страны в мире и расширяющие глобальную нишу.

Надо заметить, что переход от формулы $T-D-T$ к формуле $D-T-D$ достаточно сложен, так как он требует развития отношений на мировом уровне денежного капитала и включения национального рынка в мировой денежный капитал. Еще Маркс показал применительно в конкурентному рынку, что формула $D-T-D$ включает разрыв товарно-денежного потока, в который встраивается фаза производства, и товарно-денежный оборот становится четырехтактным ($D-P-T-D$). Неопределенность и экономическая свобода привносятся в товарно-денежный оборот как автономия фирмы.

Проблема неопределенности и экономической свободы стоит и в отношениях между национальным рынком и глобальным, мировым. Однако она не может решаться методами микроэкономики, то есть непосредственным прямым включением всей совокупности отдельных фирм в глобальный рынок. С одной стороны, T в формуле глобального оборота представлен не совокупностью товаров, но скорее пропорциями совокупности рыночных ниш, занятых данным национальным рынком. С другой стороны, в фазе T оборот прерывается, хотя и не так, как это происходит при введении в национальном рынке фазы производства. Фаза производства здесь представлена национальным производством в целом. Поэтому ориентация множества фирм на общее рыночное равновесие не означает необходимости следовать за уровнем мировых цен для каждого отдельного бизнеса или территории.

Главным моментом, который раскрывает содержание автономии национального рынка внутри глобального, является формирование рыночной иерархии, обслуживающей квантованный экономический рост. Имеется в виду иерархия структурных уровней рынка, представленная последовательностью: рынок крупных программных инвестиций — фондовые рынки — денежные рынки — товарные рынки. Напомним, о чем говорили выше: иерархия рынков невозможна без развитой системы ЕДИС и трехуровневой системы

банков, включая инвестиционный, валютно-денежный и региональный коммерческий банки. Иными словами, автономия национального рынка внутри мировой глобальной системы, при активном участии национального рынка в становлении принципов глобализации, предполагает утверждение в рамках национальной экономики синергетической воспроизводственной модели, конструктивным основанием которой выступает БКЦ. Подчеркнем, что синергетическая воспроизводственная модель приводит к иному типу целостности национальной экономики — не на основе индустриального ядра, пронизанного технологическими цепочками, а на основе паутины инвестиционных кластеров, втягивающих в свою орбиту территориальные рынки разного уровня. То есть целостность экономики неотделима от превращения рынка в геоэкономическую систему.

Чтобы завершить наш краткий обзор воспроизводственной модели рыночной макроэкономики синергетического типа, обратим внимание на два момента, которые связаны с органической направленностью этой модели на углубление и увеличение масштабов либерализации экономики и общества.

Первый момент: при традиционной функциональности воспроизводственной модели она, что нетрадиционно, включает историческую компоненту, необходимую для экономического роста именно функционально. Речь идет о последовательности фаз БКЦ, сопряженных с последовательностью типов экономического роста: интенсивный — интенсивно-экстенсивный — экстенсивно-интенсивный — диверсифицированный экстенсивный. Благодаря этой последовательности поддерживается синергетическая тенденция к предельному типу расширенного воспроизводства (капиталоемкость равна 1, темпоритм складывается из периодов оборота основного капитала 2π , экономический рост сопровождается таким же по темпу ростом благосостояния, инфляция регулируется не столько методами стерилизации и бюджетной политики, сколько системой балансовой увязки инфляции и рыночной экспансии).

Второй момент касается исторической памяти рынка. Речь идет не только о воздействии предыдущей траектории экономического роста на настоящую и будущую траектории, но и о накоплении исторических предпосылок, связанных с постепенным переходом

от одномерной экономики к двухмерной, затем трехмерной и, наконец, четырехмерной. Синергетическая экономика четырехмерна, но ее утверждение предполагает указанную последовательность мерности, которая хорошо просматривается на ССЭ. Так, одномерная модель опирается на вектор, берущий начало в блоке 2 и направленный в своем воздействии на блок 4. Двухмерность представлена взаимодействием третьего и четвертого блоков. Трехмерная модель базируется на взаимодействии четвертого, третьего и второго блоков. Наконец, четырехмерная модель экономического роста складывается в пространстве взаимодействующих блоков — второго, четвертого, третьего, первого. Это вполне конкретные исторические модели: социалистическая, рынок свободной конкуренции, нелиберальная, синергетическая. Синергетическая модель, в отличие от предыдущих моделей, формирует интенсивные и экстенсивные факторы экономического роста в особой последовательности, о которой говорилось выше. Но важно также и то, что фазы БКЦ (и адекватные им типы экономического роста) предполагают бифуркационные границы между ними. В поле их действия происходит метаморфоза факторов каждой предыдущей фазы как эндогенных в экзогенные факторы бифуркационного хаоса, всегда связанного с переходом от примата экономики к примату предыдущей политики, затем вновь трансформирующиеся в эндогенные факторы, складывающиеся в условиях новых параметров порядка.

Обычно принято рассматривать этапы реформирования экономики как процесс субъектного отношения государства, общества и рынка к экономическому росту как к *внешнему* для себя объекту. Общепринятым стало выделение этапов экономического роста как последовательных ступеней рыночной трансформации: адаптация — восстановительный рост — модернизация. В логике этой цепочки лежит и тезис об эффективности модернизации снизу, а не сверху. Это — микроэкономический подход. С точки зрения макроэкономики высокого уровня зрелости, когда можно говорить об экономической синергетике, экономический рост есть *эндогенный* продукт взаимодействия социально-экономических субъектов макроуровня — финансового капитала, государства, реального сектора рынка и массового индивида. Это — фазовое облако, в пространстве которого и рождается новая система параметров и переменных экономического роста.

IV

Синергетический структурно-институциональный потенциал экономического роста

Рыночный потенциал финансовой экономики имеет не факторную конструкцию, как это присуще микроэкономике, а структурно-институциональную, или синергетическую, или динамическую, включающую процесс наращивания потенциала по мере конкретизации (реализации) экономического (инвестиционного) кванта при движении по структурным уровням рынка. Исторически энергетика рынка эволюционировала, начиная от производительного факторного потенциала, формировавшегося в процессе взаимодействия рынков труда и капитала. В той степени, в какой взаимодействие рынков подчинялось закону спроса и предложения, изменение соотношения труда и капитала было поставлено в жесткие рамки производственной функции: должно было выполняться условие равенства единице суммы коэффициентов при факторах капитала и труда. Мерой производительного капитала была максимально доступная, при данных предпосылках, суммарная факторная эффективность.

Между тем спектр взаимодействий в экономике не исчерпывается отношениями между рынками труда и капитала, а в более позднюю эпоху — всей совокупности факторных рынков, включая фондовые и денежные. Энергетический потенциал экономики увеличивается не просто самим фактом растущего объема взаимодействий, но и процессом усложнения внутреннего строения потенциала. Так, при переходе экономики в стадию макроэкономики (Денежной экономики, по Кейнсу) производительный потенциал усложнился,

превратившись в спросовый потенциал, сегменты которого укоренены в структуре и отношениях распределения. Поэтому если производительный потенциал принадлежит категории производительного капитала, то спросовый потенциал входит в систему оборотов денежного капитала. Это — одна переменная.

Другая переменная состоит в том, что соотношение рынков труда и капитала оказалось способным на большее количество вариантов, чем это допускалось производственной функцией. Это связано с тем, что в спросовом потенциале соотношение капитала и труда ассимилировано отношением инвестиций, дохода и денег. Такая перестройка создает возможности использования вариантов технического прогресса на основе растущей капиталоемкости. Замещение труда доходом населения в этом усложненном рыночном равновесии создает дополнительный импульс к наращиванию темпа экономического роста: теперь доход коррелирует не столько с производительностью труда, сколько с динамикой денежного капитала. Конкретно энергетический потенциал в рамках спросового типа обуславливается сложной конструкцией разных уровней экономического роста со своими параметрами (мультипликаторами) и переменными. То есть механизмы спросового потенциала составляют параметрическое равновесие в отличие от равновесия спроса и предложения, лежащего в основании факторного (производительного) потенциала.

Российский рынок не может в полной мере освоить и эффективно использовать производительный и спросовый потенциалы, ему это становится по силам только в процессе становления финансового капитала как нового базиса развитого рынка финансовой экономики. Причем можно утверждать, что внутри финансовой экономики факторный и спросовый потенциалы играют роль превращенных форм синергетического потенциала. Они фиксируют вклад производительного и денежного капиталов в общую динамику синергетической экономики.

То обстоятельство, что рыночный синергетический потенциал финансовой экономики является категорией финансового капитала, обуславливает две вещи, которые требуют отдельного рассмотрения. Речь идет, с одной стороны, о структуре потенциала финансовой экономики, то есть о его сегментах, а с другой стороны, о механизме становления потенциала финансовой экономики.

Напомним, финансовый капитал — это капитал крупных прямых инвестиций, формирующих стратегию экономического роста в виде кванта, продуцируемого взаимодействием макросубъектов. Так формируется иерархия рынков, причем не на принципах монополии того или иного рода, а в результате структурного и институционального взаимодействия рынков и их самоорганизации. Следовательно, сегменты динамического рыночного потенциала — это специализированные рынки, продуцирующие в своем взаимодействии не вообще единство, а вполне осязаемую единую денежную инвестиционную систему страны.

ЕДИС органична рыночной макроэкономике не вообще, а именно ее синергетического типа. В ней иерархия рынков, которая покоится на системе оборотов функциональных капиталов — финансового, денежного, производительного регионального — обуславливает общее рыночное равновесие особого типа. Это не равновесие факторных рынков (капитал — ВВП — доход населения), присущее производительному капиталу микроэкономики, и не общее рыночное равновесие денежного капитала (инвестиции — сбережения — деньги). Это — равновесие подсистем рыночной иерархии: стратегического рынка второго стратегического уровня (финансового капитала), стратегического рынка первого стратегического уровня (денежного капитала), текущего рынка (производительного регионального капитала).

Факторное равновесие текущего рынка включает взаимодействие эндогенных и экзогенных факторов экономического роста. Именно поэтому оно альтернативно государственному централизованному плановому управлению. Монетарное (денежное) равновесие покоится на приоритете экзогенных факторов экономического роста. На этом уровне экономика чрезвычайно зависима от мировых товарных и фондовых рынков, государственной политики внутреннего и внешнего долга, валютно-денежной политики центрального банка. Поэтому финансово-денежное равновесие предполагает активное регулирующее участие государства в рынке. Что же касается равновесия финансового капитала (финансовой экономики), то это — структурно-институциональное равновесие. Для него характерно стремление к полностью эндогенной системе факторов экономического роста. Каждый уровень структурно-институционального

равновесия втягивает в свою орбиту все факторы — материальные, институциональные, культурные — и формирует из них стартовые предпосылки каждой последующей фазы и адекватного ей типа экономического роста.

Рынок финансового капитала имеет базисное значение. Он занимает первую, начальную фазу БКЦ. Этого рынка пока нет, его еще предстоит создать, так как он включает в себя оборот очень крупных стратегических инвестиций, являющихся предметом кооперации макроуровня, куда входят финансовый капитал, центр и регионы. Он формирует, как уже отмечалось, квант экономического роста, передавая по иерархии рынков импульсы экономического роста.

Квант экономического роста рождает экономическую энергию системных связей финансового капитала, собранных в совокупность специализированных оборотов (финансового, денежного, производительного регионального) и вставленных в иерархию фаз БКЦ. Благодаря этому происходит наращивание энергетического потока в последовательности: интенсивный тип экономического роста (1 фаза БКЦ) — интенсивно-экстенсивный тип экономического роста (2 фаза БКЦ) — экстенсивно-интенсивный тип экономического роста (3 фаза БКЦ) — диверсифицированный экстенсивный тип экономического роста (4 фаза БКЦ). В конце четвертой фазы БКЦ происходит возвращение к интенсивному типу экономического роста. Во второй половине четвертой фазы экономика стремится вернуть когда-то свойственное ей качество линейной системы с фокусом в бюджете. Переход от нелинейной системы к линейной (в четвертой фазе БКЦ) сопряжен с накоплением хаоса, с потерей примата экономики над политикой и, как следствие, с очень тяжелой бифуркацией. Может быть, не такие тяжелые, но бифуркации соединяют друг с другом каждую из фаз БКЦ, сохраняя тем самым устойчивость внутренней структуры Большого Кондратьевского цикла.

Грубо говоря, рынок финансового капитала — это пространство взаимодействия крупных собственников капитала, которые обмениваются не активами, а стратегиями. Поэтому его можно с полным правом рассматривать в качестве финансового контура финансовой экономики. Именно здесь закладываются основы предельного типа экономического роста: период оборота капитала 2π (в нашем обозначении T), стремление к 1 капитального коэффици-

ента, исчисленного как отношение основного капитала к доходу населения, стремление капиталоемкости ВВП к 1, стремление коэффициента Тобина (отношения инвестиций к основному капиталу) к 1. Благодаря такой социальной модальности определяется потенциально возможный максимальный темп экономического роста — 14%, причем в разбивке по фазам, в силу чего он приобретает свойство стратегического каркасного темпа экономического роста. Существенно то, что каркасный темп экономического роста является количественной мерой особого качества экономического роста, присущего синергетическому потенциалу. Имеется в виду трансформация экономического роста в социодинамику (*Гринберг, Рубинштейн, 2000*). Для нее характерно превращение экономического роста в своеобразный катализатор (по аналогии с каталитическими свойствами некоторых химических реакций).

Любопытно, что в определенной степени все ведущие компоненты механизмов энергетических потенциалов обладают каталитическими свойствами — капитал, труд, инвестиции, доход, деньги. Но только на уровне структурно-институционального синергетического потенциала это свойство экономического равновесия как механизма формирования динамического потенциала становится когерентным. Тем самым выявляется целостная природа рыночной макроэкономики, особенностью которой именно как целостности становится непрерывная эволюции на принципах самоорганизации, при том что одновременно усиливается роль экономики как ядра всего объема хозяйственных, социальных, политических, этнических, культурных внешних и внутренних взаимодействий индивида, группы, общества, цивилизации. В итоге каталитическая функция финансового капитала (его социодинамика) может быть понята как ступенчатая конкретизация кванта экономического роста посредством взаимодействия структурных уровней рынка и ЕДИС. С учетом сказанного можно утверждать, что синергетический структурно-институциональный потенциал включает в себя тенденцию к либерализации общества и экономики, но не в качестве редуцирующей направленности экономического роста, а, напротив, как органическая компонента усложнения.

Соответственно, для синергетического экономического роста характерно равновесие структурных уровней рынка (финансовых,

денежных, региональных) не в смысле финансово-денежной стабильности, а в смысле стремления к предельному типу экономического роста как способу извлечения всех потенциальных ресурсов роста, заложенных рынком стратегических инвестиций. Если не формируется стратегический квант экономического роста, то не работает и предельный тип экономического роста — это взаимообусловленные понятия. Напомним, что рынок стратегических инвестиций является полем действия макроскопической кооперации крупных рыночных субъектов (включая и государство, его центр и регионы), продуцирующей не только объективные условия развития, но и субъектные (институциональные) и субъективные.

Читаем у Занга: «...стартуя из любой произвольной точки, экономика всегда равномерно сходится к единственному значению соотношения “капитал/труд” на больших временах. Более того, вдоль равновесной траектории роста капитал возрастает с той же скоростью, что растет численность населения, — это простое и красивое следствие модели роста Солоу» (Занг, 1999, с. 41). В нашей экспериментальной логической модели, в которой мы исследовали сопряжение динамики капитала, дохода и продукта, прироста капитала и ВВП действительно начинают сближаться через десять лет. Однако можно ли считать, что равновесие Солоу идентично предельному типу экономического роста внутри БКЦ? Совсем нет. Интересно, что Кейнс пытался «низвергнуть» указанное равновесие: его мультипликаторы непосредственно не связаны с отношением «капитал — труд». Однако система уравнений Кейнса — так, как она прочитывается Зангом, — сохраняет принцип взаимодополняемости факторов «капитала» и «труда». Реализация же предельного типа экономического роста нуждается в наличии автономных факторов развития капитала, инвестиций и дохода, хотя их траектории должны иметь достаточно высокую степень корреляции. Предельное соотношение факторов экономического роста внутри БКЦ обеспечивается взаимодействием его структурных уровней (фаз).

В БКЦ, при условии действия ЕДИС, механизм сближения приростов дохода населения, национального капитала и ВВП базируется, во-первых, на отрыве — в рамках единства — оборота основного капитала от оборота инвестиций. Такова особенность первой фазы, где единство указанных автономных величин выражено как равенст-

во коэффициента при капитале максимально возможному темпу прироста, когда капиталоемкость экономического роста стремится к 1. Это равносильно исходной величине прироста капитала в 14%. Данный процент — главный параметр порядка в системе уравнений, описывающих структуру синергетического кванта экономического роста. Этот параметр принадлежит уравнению прироста национального дохода в размерности основного капитала (первое уравнение в нашей системе уравнений синергетического кванта).

Во второй фазе БКЦ обеспечивается отрыв оборота инвестиций от оборота капитальных денег, или денежных инструментов оборота акций и облигаций на фондовых рынках. Их единство фиксируется в норме накопления в ВВП, что в нашей системе уравнений равносильно приросту фонда производственного накопления в 10—11%. Таков один из параметров порядка во втором уравнении, описывающем динамику основного капитала в размерности дохода.

Третья фаза фиксирует отрыв оборота капитальных денег от налично-денежного оборота и оборота средних и коротких денег. Их единство выражается в величине монетизации ВВП, включая инвестиции, тем самым — в росте цен и прибыли от реализации, рыночным регулятором которых является отношение инвестиций к основному капиталу. Указанный критерий является параметром при приросте фонда возмещения суммарного основного капитала, принадлежащего множеству отдельных рыночных агентов. Это — 7% (второе уравнение роста капитала в размерности национального дохода).

Четвертая фаза БКЦ предполагает отрыв кредитно-денежного и налично-денежного оборотов от оборота реального национального дохода. Снятие данного отрыва и реализация единства обуславливает оптимальный уровень инфляции. Это — 4,5% (параметр при переменной роста национального дохода в размерности капитала в первом уравнении нашей системы).

Обороты и разнесены по разным фазам, и объединены в процессе создания рыночной иерархии (фаз). Единство оборотов как целостной системы фиксируется в образовании единой денежной инвестиционной системы страны, то есть единство фаз БКЦ и единство оборотов имеет не только одну предпосылку, но и один и тот же механизм. В этой связи существенную роль во внутренней жизни БКЦ имеет его темпоритм. Речь идет о специфическом типе бифуркаций.

В сближении приростов капитала и дохода принимает участие специфический тип бифуркации с удвоением периода. Наши исследования привели к выводу, что длительность фаз БКЦ, конструкция которого служит механизмом экономического роста, организованного в виде последовательности фаз и типов экономического роста, распределяется следующим образом. Предельный цикл экономического роста финансового капитала — $T(2\pi)$. Фазы имеют длительность: $1T-2T-4T-8T$. Первая половина каждой фазы частично захватывает пространство предыдущей фазы, ассимилируя его. Соответственно каждая последующая фаза сохраняет средний темп экономического роста предыдущей фазы вплоть до пороговой точки, в которой все ресурсы экономического роста предыдущей фазы оказываются исчерпанными и недостаточно дополняются, тем более не компенсируются, актуализацией новых факторов. Инерция предыдущего фазового темпа исчерпана и дополняется средним фазовым темпом новой фазы.

Так, например, вторая фаза внутри себя содержит пороговую точку — капиталоемкость 2. Пока капиталоемкость меньше 2, удерживается соотношение факторов последовательно интенсивного типа экономического роста, несмотря на вступление экономики в режим интенсивно-экстенсивного типа экономического роста. Инерция первой фазы мешает реализации всех факторов, в том числе институциональных, способных быть развитыми в процессе действия нового типа экономического роста. Таким образом, каждая фаза имеет как бы пролонгированный старт, а в конце фазы — замедленный финиш. Но благодаря этому потенциал старой фазы и ее тип экономического роста исчерпывается до дна, а переход к новой фазе и новому типу экономического роста оказывается связанным с бифуркационными, но все же достаточно размытыми границами.

Так, последовательно интенсивный тип, присущий первой фазе, завершается внутри второй вместе с утверждением интенсивно-экстенсивного типа экономического роста. Когда на смену второй фазе приходит третья, одновременно завершается интенсивно-экстенсивный тип второй фазы и разворачивается экстенсивно-интенсивный тип третьей фазы. В четвертой фазе, прежде чем установится свойственный ей диверсифицированный экстенсивный тип

экономического роста, завершается предыдущий экстенсивно-интенсивный тип. Экономика всякий раз «подбирает» все факторы предыдущего этапа, которые не использованы полностью.

Новый тип получает полный простор внутри пространства своей фазы. Инерционный темп роста до пороговой точки как бы хранит память о предыдущей фазе и ее темп (14 % для первой фазы). После перехода через пороговую точку вторая фаза реализует свой потенциал, который дает прирост 7%. В среднем для всего периода, когда действуют силы второй фазы, это — $(14\% + 7\%) : 2 = 10,5\%$. Естественно, пример условный, но он иллюстрирует логику.

Если говорить об эволюции темпа роста за весь БКЦ, то она обусловлена двумя факторами. С одной стороны, происходит исчерпание кванта экономического роста, сформированного в первой фазе (на рынке стратегических программных инвестиций), исчерпание пропорционально соотношению длительности фаз. С другой стороны, вследствие матрешки БКЦ, рынок все время усложняется по законам перенормировки назад (процесса, обратного аппроксимации), но затем внутри четвертой фазы включается перенормировка, направленная на осознание глубинных корневых факторов развития, которые могут быть интерпретированы как система отношений финансового капитала.

Происходит упорядочение рынка и его эволюция на принципах саморазвития. Такого рода пульсация БКЦ сохраняет целостность экономики, циклическая природа целостности получает свое выражение в усреднении темпа экономического роста на интервале БКЦ. Условно ее можно представить как арифметическое среднее ее фазовых темпов: $(14\% + 10,5\% + 7\% + 4\%) : 4 = 8—9\%$. Мы не учитываем удельные веса фаз по длительности, так как они отражены в различии фазовых темпов экономического роста.

Однако следует объяснить собственно экономическую природу длительности фаз БКЦ как бифуркаций с удвоением периода. За фазовым строением БКЦ стоит соотношение собственных и кредитных инвестиционных ресурсов. Причем организующим моментом является использование рынком вложенных средств на каждой данной фазе как гарантийного фонда для кредитной экспансии. Поскольку первый объем капитала (в фазе 1Т) имеет определенную величину К, то именно таков начальный гарантийный фонд. В сле-

дующей фазе (которую мы обозначаем как 2Т) за счет сложения собственных и заемных инвестиций, гарантированных собственным капиталом, он может возрасти вдвое и так же вдвое возрастает обеспеченный гарантиями рынка объем инвестиций. По этой схеме инвестиции в фазе (4Т) увеличиваются еще вдвое, или по отношению к первой фазе в четыре раза. В последней фазе (8Т) происходит еще одно удвоение общего, собственного и кредитного, инвестиционного фонда.

Если рассмотреть эти процессы с точки зрения модальности экономики в отношении выравнивания динамики капиталоемкости и дохода населения, то здесь существенно то, что происходит удвоение длительности фаз. Оно сопряжено с компенсацией роста капиталоемкости за счет вовлечения в экономический рост экстенсивных факторов и общей рыночной экспансии (каталитическое свойство капитала, о котором говорилось выше). В каждой фазе капиталоемкость увеличивается в отношении к базовой величине капитала, сохраняя тенденцию к выравниванию темпов роста капитала, дохода и продукта, а значит, и отношения капитал/доход.

Каждая фаза разогревает рынок вплоть до наступления пороговой точки, то есть порогового значения капитального коэффициента, по достижении которого возникает бифуркационная ситуация. В первой фазе капитальный коэффициент переходит за свой предельный уровень, равный 1, и формирует достаточно короткий период равновесного уровня капитального коэффициента, значение которого около 2. Переход за точку равновесия, когда капиталоемкость экономического роста становится примерно равной 3, вторая фаза завершается уже в пространстве третьей. Ее пороговая точка близка 4. Это — очень ответственный момент, так как рынку в следующей, четвертой фазе предстоит потерять управляемость по коэффициенту капиталоемкости, рынок начинает стремиться освоить линейную модель, ориентированную на финансово-денежную стабильность. Этот качественный сдвиг занимает все пространство второй половины четвертой фазы, когда рынок достигает максимального коэффициента капиталоемкости, равного 8.

Обрыв синергетического в линейный экономический рост, ориентированный на финансово-денежную стабильность, с точки зрения экономической содержательности процесса обуславливается подключением к рынку социального капитала и воздействием

социальной сферы и социального спроса. С точки зрения формальной смены фаз важно исчерпание процесса смены параметров и переменных. Так, в первой фазе экономический рост регулируется объемом капитала, который удается привлечь для выполнения стратегических программ, величина капитала стремится к своему параметру, тому же объему капитала. Во второй фазе ее параметром становится объем капитала, а переменной — размер предельной эффективности капитала, обуславливающей инвестиционный спросовый потенциал рынка. В третьей фазе экономика работает с параметром — предельной эффективностью капитала, тогда как переменной порядка становится процентная ставка, позволяющая регулировать (на принципах самоорганизации рынка) коммерческий кредит и рыночную экспансию. В четвертой фазе процентная ставка рефинансирования переходит в разряд параметра, тогда как переменной становится доход населения. Возможности развития на базе данного БКЦ исчерпаны. Рынок и общество погружаются в анализ и эксперименты новых вариантов развития, базисом которого вновь становится финансовый капитал. Математический аспект такого рода преобразований, который характеризует процесс усложнения системы (перенормировки назад), четко изложен (*Пайтген, Рихтер, 1993, с. 39 — 42*).

После бифуркаций, то есть в каждой новой фазе, экономическая система попадает в ситуацию очередной, скачком возросшей неопределенности и начинает выстраивать новые отношения, правила и предпочтения. Этому способствует смена типов экономического роста при переходе от фазы к фазе, о чем говорилось выше. Однако расположение синергетической системы на временной оси (принцип матрешки) позволяет видеть определенную устойчивость траектории экономического роста. Структурные основные компоненты подвергаются обновлению, но не исчезают. Устойчива сама структура фаз БКЦ, устойчивы компоненты ЕДИС страны, устойчивы характеристики предельного типа экономического роста, устойчив каркасный темп развития.

Заключение

В докладе поставлены четыре проблемы.

В первом параграфе рассмотрена содержательность синергетики как теории становления Бытия, что и определило ее значение как *новой научной парадигмы*. Второй параграф посвящен обоснованию того, что такое *экономическая синергетика* и каков ее вклад в общую синергетическую концепцию (мы полагаем, что именно экономическая синергетика дает полный материал для понимания того, что это — теория становления Субъекта, противостоящего Бытию и взаимодействующего с ним).

В третьем параграфе обосновывается идея превращения (на современном достаточно высоком уровне развития рынка) рыночной макроэкономики из финансово-денежной надстройки над микроэкономикой в особый самостоятельный тип *финансовой макроэкономики*. Здесь исследована синергетическая схема экономики (ССЭ) и ее воспроизводственная модель, в основе которой, по нашему мнению, лежит Большой Кондратьевский цикл (БКЦ) в сочетании с кейнсианской концепцией мультипликаторов. Мы пришли к выводу, что ССЭ позволяет выявить системное единство экономики и ее социально-политического и культурного контекста. Не менее важно то, что обнаруживается существование системного объекта (адаптационной структуры экономики) и системного субъекта (целевой структуры экономики). В силу этого в макроэкономике возни-

кает и развивается опорная структура внутренней конвергенции финансового капитала и государства. Ее представляют две встроены в рынок вертикали. С одной стороны, это система оборотов финансового, денежного и регионального капиталов во главе с финансовым капиталом. С другой стороны, это властно-политическая вертикаль (государство, гражданское общество, сфера трудовых отношений ненормативного рынка) во главе с государством. Обращение к воспроизводственной синергетической модели позволяет исследовать строение экономики с позиций размерности экономического пространства и ее темпоритмов.

Мы также пришли к выводу (четвертый параграф), что синергетическая природа рыночной макроэкономики предполагает внутреннюю эволюцию динамического потенциала. Происходит усложнение динамического потенциала, начиная от *производительного факторного потенциала*, в основе которого лежит система «рынок капитала — рынок труда». В рамках неолиберальной экономики и неолиберального государства складывается *спросовый динамический потенциал*, исследованный Кейнсом. Его структура задается объемом и динамикой инвестиций и инвестиционного спроса, доход населения отрывается от производительности труда и становится компонентом денежного капитала, регулируемого факторами финансово-денежной стабильности. В рамках синергетической рыночной макроэкономики формируется *синергетический структурно-институциональный динамический потенциал*.

Это потенциал финансового капитала: крупных программных инвестиций, одним из мощных источников которых является повышение капитализации крупного бизнеса, а значит, и рынка поглощений и других финансовых операций с пассивами. Однако самым важным для количественной характеристики синергетического структурно-институционального потенциала является формирование *стратегического инвестиционного кванта* на рынке крупных программных инвестиций: именно на этом рынке складывается механизм внутренней конвергенции финансового капитала и государства. В целом, мы попытались осмыслить синергетический структурно-институциональный динамический потенциал как меру энергии экономического роста в условиях и благодаря развитию современного коммуникативного общества и характерного для него

взаимодействия как универсального и всеобщего механизма функционирования общества.

В прогнозных оценках и рекомендациях научное сообщество должно исходить, на наш взгляд, не из анализа отдельных факторов или сценариев, построенных на их основе, а из синергетической логики. В этом отношении чрезвычайно важно иметь в виду существование ядра синергетического структурно-институционального динамического потенциала. Речь идет о каталитической функции капитала, принимающей разные формы и использующей разные механизмы в разных фазах БКЦ, соответственно — в разных типах экономического роста (последовательно интенсивном, интенсивно-экстенсивном, экстенсивно-интенсивном, диверсифицированном экстенсивном).

Если рассматривается рынок крупных программных инвестиций (структурный уровень первой фазы БКЦ), то здесь капитал выступает в своей стратегической функции финансового капитала. Соответственно формируется квант экономического роста, продуцирующийся кооперативным финансовым макроэкономическим субъектом. Достаточно свободный выбор стратегических программ предполагает максимизацию исходного объема финансового капитала и выбор наиболее эффективного режима управления капиталоемкостью ВВП. В этом смысле можно утверждать, что экономический рост этой первой фазы является ростом финансового капитала.

Вторая фаза предполагает, что катализатором экономического роста являются инвестиции, главный источник которых лежит в сфере фондовых рынков, обеспечивающих определенный рост капитализации бизнеса. Кейнс исследовал именно эту модель и пришел к выводу о существовании динамического потенциала в форме спросового потенциала. Инвестиционный спрос является основанием формирования рынка, который стремится к максимизации предельной эффективности капитала. Опорным рынком, формирующим структуры и институты экономического роста, является денежный капитал.

Третья фаза БКЦ опирается на свой специфический катализатор, каковым является основной капитал. Однако он должен для этого обладать всеми структурными системными синергетическими характеристиками. Как было показано в докладе, речь идет о регио-

нальном капитале, системные связи которого встроены в комплекс инвестиционных финансовых кластеров. В отличие от второй фазы, каталитическое действие основного капитала является инфляционным и предполагает сопровождение роста капиталоемкости развертыванием рыночной экспансии.

Четвертая фаза является сферой действия катализатора — дохода. Речь идет о понятии дохода, по Хиксу, как постоянной метаморфозы «доход — капитал — доход». Здесь господствуют товарные и факторные рынки, в том числе рынки социального спроса. Множество факторов экономического роста интегрируются в социальный квант, трансформирующий экономическую динамику в социодинамику.

Итак, эволюцию синергетического структурно-институционального потенциала можно определить как внутренне необходимую для воспроизводственной модели БКЦ. В рамках этой эволюции реализуется каталитическая способность капитала. В той мере, в какой капитал-катализатор приобретает разные формы (выше были рассмотрены его метаморфозы: инвестиционный потенциал, спросовый потенциал, инфляционный потенциал, факторный потенциал), институциональным условием осуществления капитального катализа является развитие трехуровневой банковской системы. Мы имеем в виду систему, куда входят инвестиционный банк, центральный валютно-денежный банк, универсальный коммерческий (региональный) банк, а также сберегательный банк.

«Коварство» синергетики состоит в том, что она, в силу неопределенности и вероятностной природы ее процессов, допускает возможность аппроксимации или редукции к линейным процессам. Экономический рост замедляется, его траектория приобретает зигзагообразный вид, удаляющий экономику от предельного типа экономического роста и трансформации экономической динамики в социодинамику. В пространстве неопределенности существует свобода выбора стратегии. Но такой выбор крайне ответствен, поскольку синергетика не отделяет объективное от субъективного, а значит, не защищена от произвола того или иного компонента своей субъектной системы, в том числе государства.

С этой точки зрения было бы крайне полезно провести сравнительный анализ предлагаемых многочисленных концепций экономического роста. Не ставя целью заняться таким анализом

немедля, ограничимся краткой оценкой позиций лишь трех авторов — В. Мау, Г. Грефа и А. Кудрина.

В. Мау в своей интересной статье демонстрирует тем не менее традиционный факторный подход к проблеме экономического роста (Мау, 2007). Политику роста он привязывает к фактору конкурентоспособности страны. По его мнению, этот «тезис должен занять центральное место в экономико-политической доктрине» (с. 23). При этом стратегические основы конкурентоспособности — конвергенция финансового капитала и государства, корпоративизация как конкурентный механизм наряду с ценовой конкуренцией — им совершенно не проработаны.

Автор предлагает «формирование системы стимулов для развития различных промышленных секторов без жесткого выделения их приоритетов» (с.9). Такое хаотическое регламентирование стимулов противоречит как системной природе общественного производства, так и провозглашенной самим автором необходимости формирования современной институциональной среды. Конкурентная и институциональная среды не должны противостоять друг другу, причем каждая из них должна быть целостной.

Авторское видение лежит вне пространства рыночной макроэкономики, не говоря уж о синергетике. Он утверждает, что «дальнейшая реализация бюджетной политики в направлении роста зарплат и снижения налогов вряд ли станет источником ускорения экономического роста» (с. 15). Если уж проводится связь между бизнесом и бюджетной политикой, то должен быть применен другой, макроэкономический подход, учитывающий систему финансового, денежного и коммерческого оборотов. В рамках такого подхода зарплата отрывается от динамики производительности труда и присоединяется к обороту денежного капитала и его законам. Что касается налогов, то здесь государство, как субъект бюджета, обязано исследовать те изменения в налоговой базе, к которым приведет понижение налогов. С точки зрения оборота денежного капитала и бюджета как его части налоговая политика не должна быть оторвана от денежно-кредитной политики.

Далее, автор называет новые инвестиции в среднесрочном плане главным источником роста (с. 14). Но, во-первых, экономический рост как показатель динамики экономической системы зави-

сит от общесистемных и стратегических источников роста. В нашем докладе показано, что эти источники формируются по законам БКЦ. Во-вторых, обращение именно к новым инвестициям предполагает их наращивание. В этой области факторный подход (инвестиции как фактор) особенно опасен. Примером может служить концепция ускорения 1980-х годов, которая привела к лавинообразному падению производства вследствие вхождения экономики в режим псевдоэкстенсивного типа экономического роста. Вообще, об инвестиционном росте надо думать, не забывая, однако, о синергетическом структурно-институциональном потенциале такого роста.

С факторным подходом, который подавляет все другие мотивы, мы сталкиваемся и в работах двух наших экономических лидеров — Г. Грефа и А. Кудрина (*Греф, 2006; Кудрин, 2006*). При всех формальных признаках дискуссии представленные ими позиции очень близки.

Главный тезис Г. Грефа состоит в том, что бюджетные перераспределения инвестиций теряют свой промышленный базис, так как снижается динамика основных экспортных отраслей. Отсюда делается вывод о необходимости политики активизации всех факторов общей конкурентоспособности экономики, концентрируя внимание на технологической конкурентоспособности и стимулах развития инвестиционного комплекса отраслей. Между тем когда государство может выделить на развитие машиностроения только 2,1% инвестиционных ресурсов (с. 12), это равносильно закату бюджетной экономики и линейного экономического мышления с его факторным подходом.

При достаточно высокой зрелости экономики, если ТЭК и весь ресурсный экспортно-ориентированный сектор утрачивает позиции основного источника валютных поступлений, нужно искать не новые отраслевые «локомотивы», а новые принципы связи уровней экономики. С одной стороны, каждый из крупных секторов экономики (сырьевой, топливно-энергетический; инвестиционный; потребительский) имеет свои специфические инвестиционные механизмы, основанные на разных базисных ролях разных рынков. Экспортный сырьевой топливно-энергетический сектор основан на приоритете валютно-денежного рынка и механизмах валютно-денежной политики. Что же касается инвестиционного блока отрас-

лей, то здесь особо важную роль играют финансовые рынки и кейнсианские механизмы, увязывающие в целостный комплекс регулирование инфляции, инвестиционного спроса и предельной ставки процента. Потребительский комплекс, находящийся под сильным влиянием аграрного сектора, нуждается прежде всего в развитии региональных товарных и финансовых рынков и расширении сети и функций универсальных коммерческих банков.

С другой стороны, поскольку экономика нуждается во всех этих механизмах, стоит проблема создания единого типа финансовой синергетической экономики: иерархии рынков и формирования квантованного экономического роста, ЕДИС страны, структурно-институционального синергетического динамического потенциала. В ее рамках инвестиционные механизмы отрываются от своих отраслевых приоритетов и становятся элементами общего синергетического рыночного механизма.

Казалось бы, мы должны встать на сторону А. Кудрина, который подчеркивает регулирующее значение финансово-денежных показателей макроэкономики. Однако в его концепции тоже нет идеи особого финансового типа экономики, синергетического по своей сути. Речь идет о развитии конкурентных факторов, в том числе о формировании инвестиций под углом зрения эффективного для бизнеса инвестиционного климата (с. 16). В качестве ведущих факторов перечисляются: сильный платежный баланс, инфляция и изменение курса рубля (с. 17). Автор обращает внимание на очень важную вещь. По его мнению, «основной причиной малого объема инвестиций является недостаточное использование инструментов финансового рынка и кредитования. В структуре источников инвестиций в основной капитал доля собственных средств составила 47,7%, доля кредитов банков — всего лишь 6,5%» (с. 19).

Задача правильная, но ее решение неверное. В частности, как на само собой разумеющееся автор указывает на важнейшую роль финансово-денежной сбалансированности. Несмотря на то что это — общее убеждение нашего научного и политического сообщества, это верно лишь для рынка с сильной централизацией, тогда как финансовая экономика постепенно поднимает стратегический уровень, создавая рынок крупных программных инвестиций и формируя механизмы внутренней конвергенции финансового капитала

и государства. В финансовой экономике инфляционное давление рыночной экспансии гасится не посредством ее ограничения (финансово-денежную стабильность), а преодолевается путем специфических — на разных фазах БКЦ — взаимодействий трехуровневого банка с оборотами финансового капитала, денежного капитала и производительного регионального капитала. При этом благодаря режиму бифуркаций с удвоением, приращение кредитных ресурсов гарантируется совместным оборотом собственных и кредитных инвестиционных средств.

Если попытаться научную дискуссию обобщить, объединив точки зрения вокруг главных разногласий, то можно сказать, что Г. Грефа и А. Кудрина объединяет то, что они стягивают все конкретные постановки к проблеме абстрактной конкурентности, вопрос состоит только в том, какие факторные приоритеты выбрать государству. И это — общая позиция почти всех наших либералов и демократов. Но самое любопытное, что, дискутируя на общей платформе приспособления рынка к централизации, а централизации к рынку, демократы и либералы мало чем отличаются от социалистов. Различия между ними сводятся к акцентам: первые считают рынок и конкуренцию исходным приоритетом государства, а вторые провозглашают исходным приоритетом государство. Мы же полагаем, что приоритеты нужно искать в рамках методологии экономической синергетики, т. е. считать исходным приоритетом само стратегический уровень синергетической финансовой экономики, на котором снимается проблема соподчинения, и ставится задача развития внутренней конвергенции финансового капитала и государства на платформе системных условий квантового экономического роста.

Литература

- Аршинов В. И., Буданов В. Г.** Когнитивные основания синергетики // Московский международный синергетический форум. <http://www.synergetic.ru/science/index.php?article=arshbu1>.
- Буданов В. Г.** Метод ритмокаскадов: о фрактальной природе времени эволюционирующих систем // Московский международный синергетический форум. <http://www.synergetic.ru/science/index.php?article=nasbud9>. (1)
- Буданов В. Г.** О методологии синергетики // Вопросы философии. 2006. № 5. (2)
- Гайденко П. П.** Прорыв к трансцендентному. М., 1997.
- Глобализация: синергетический подход. М., 2002.
- Греф Г.** Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2005 году и задачах на 2006 год // Экономическая политика. 2006. № 1.
- Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я.** Экономическая социодинамика. М., 2000.
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** Российская реформа в контексте теории Кейнса // Вопросы экономики. 1997. № 3.
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** О теоретических основах рыночных преобразований // Россия и современный мир. 1997. № 3.
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** Трансформационный потенциал российской экономики // Общественные науки и современность. 1998. № 2.
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** Финансовый капитал как системообразующий фактор экономики // Общественные науки и современность. 1998. № 6.
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** Проблема синтеза общеэкономической и институционально-эволюционной теорий // Вопросы экономики. 1998. № 8.
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** Внутренний рынок: макроэкономический аспект // Общественные науки и современность. 1999. № 2.
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** Энергетический потенциал рыночной трансформации (III Пушкинские чтения) // Вопросы теории рыночной трансформации в России (выпуск второй). МНИИПУ. М., 1999.

Литература

- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** Куда же ведут реформы? Размышления по поводу статьи Дж. Стиглица // Вопросы экономики. 1999. № 9.
- Евстигнеева А. П.:** Новая эпоха — новая наука (о книге Р. Гринберга и А. Рубинштейна «Экономическая социодинамика») // Вопросы экономики. 2001. № 4.
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** От стандартной экономической теории к экономической синергетике // Вопросы экономики. 2001. № 10.
- Евстигнеев Р. Н.** Глобализация и экономическая трансформация в России. В кн.: Постсоциалистические страны в условиях глобализации (сборник материалов международной научной конференции). М., 2001.
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** Рыночная трансформация в России: нетрадиционный взгляд // Общественные науки и современность. 2002. № 1.
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** От ускорения к ускорению: размышления над итогами двадцатилетия // Общественные науки и современность. 2005. № 3. (1).
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** Экономический рост: либеральная альтернатива. М., 2005. (2).
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** Макроэкономические аспекты региональной политики // Экономическая политика. 2006. № 4. (1).
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** Трансформационные риски российской экономики // Вопросы экономики. 2006. № 11. (2).
- Евстигнеева А. П., Евстигнеев Р. Н.** Несводимость и макроэкономика (полемиические заметки по поводу статьи А. Рубинштейна «Группы и их интересы: приглашение к дискуссии» // Вопросы экономики. 2006. № 11) // Вопросы экономики. 2007. № 3.
- Занг В.-Г.** Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М., 1999.
- Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г.** Синергетика и прогнозы будущего. М., 2001.
- Кейнс Дж. М.** Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
- Князева Е. Н.** Синергетике 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном // Вопросы философии. 2000. № 3.
- Князева Е. Н.** Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры. СПб, 2002.
- Князева Е. Н., Курдюмов С. П.** Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М., 2007.
- Кондратьев Н. Д.** Проблемы экономической динамики. М., 1989.
- Кондратьев Н. Д.** Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002.
- Кудрин А.** Как ускорить экономический рост в России? // Экономическая политика. 2006. № 2.
- Лесков А. В.** Футуросинергетика: универсальная теория систем. М., 2005.
- Либман А. М.** Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития (научный доклад). М.: ИЭ РАН, 2007.
- Маевский В.** Введение в эволюционную макроэкономику. М., 1997.
- Малинецкий Г. Г.** Математические основы синергетики. Хаос, структуры, вычислительный эксперимент. М., 2005.
- Малинецкий Г. Г., Потапов А. Б., Подлазов А. В.** Нелинейная динамика. Подходы, результаты, надежды. М., 2006.
- Мау В.** Экономическая политика 2006 года: на пути к инвестиционному росту // Вопросы экономики. 2007. № 2.

Литература

- Мезоэкономика переходного периода. Рынки, отрасли, предприятия / Под ред. Г. Б.Клейнера. М., 2001.
- Некипелов А. Д.** Становление и функционирование экономических институтов. От «рубинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М., 2006.
- Николис Г., Пригожин И.** Познание сложного. Введение. М., 2003.
- Пайтген Х.- О., Рихтер П. Х.** Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем. М., 1993.
- Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.
- Пригожин И.** Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. М., 2000.
- Пригожин И., Стенгерс И.** Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М., 2001.
- Пригожин И.** От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М., 2006.
- Природа фирмы / Под ред. О. Уильямсона и С. Уинтера. М., 2001.
- Прокл.** Первоосновы теологии. М., 1993.
- Рубинштейн А. Я.** К вопросу расширения «чистой теории общественных расходов» (научный доклад). М.: ИЭ РАН, 2007.
- Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2006. № 9.
- Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002.
- Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003
- Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004.
- Степин В. С.** Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8.
- Тарасенко В.** Фрактальная логика. М., 2002.
- Фридмен М.** Если бы деньги заговорили... М., 2002.
- Хайек Ф. А.** Индивидуализм и экономический порядок. М., 2003.
- Хакен Г.** Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985.
- Хакен Г.** Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М., 1991.
- Хакен Г.** Принципы работы головного мозга. Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М., 2001.
- Хикс Дж. Р.** Стоимость и капитал. М., 1998.
- Хофштадтер Д.** Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. Самара, 2001.
- Чистилин Д. К.** Самоорганизация мировой экономики. Евразийский аспект. М., 2004.

Людмила Петровна
Евстигнеева

Рубен Николаевич
Евстигнеев

Л. П. Евстигнеева — главный научный сотрудник ИЭ РАН, доктор экономических наук.
Р.Н. Евстигнеев — заведующий Центром теории экономической трансформации ИЭ РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Сфера научных интересов — общая экономическая теория, теория экономической трансформации, экономическая синергетика. Авторы и соавторы восьми монографий, изданных в России и за рубежом. Пионерные исследования в области экономической синергетики изложены в совместной книге «Экономический рост: либеральная альтернатива» (М.: Наука, 2005) и в двух десятках статей, напечатанных в научных изданиях в 1997—2007 гг.

«Теоретическая экономика»

Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н.

Методологические основы
экономической синергетики

Оригинал-макет *Валериус В. Е.*

Редактор *Пуцаева Л. Д.*

Компьютерная верстка *Костюхина А. И.*

Подписано в печать 19.03.2007.
Заказ № 24. Тираж 300. Объем 3 п.л.
Отпечатано в ИЭ РАН